

Когда меня не стало
Крылья страха
Выхожу тебя искать
Волчья ягода
Мне давно хотелось убить
Саван для блудниц
Черное платье на десерт
Девушка по вызову
Рукопись, написанная кровью
Парик для дамы пик
Пикник на красной траве
Шоколадный паж
Роспись по телу
Этюд в розовых тонах
Последняя защита адвоката, или Плюшевый свидетель
Услуги особого рода
Яд Фаберже
Комната смеха
Мальтийский апельсин
Виртуальный муж
Японская молитва
Цветы абсолютного зла
Страна кривого зазеркалья
Платиновая леда
Танцующая на волнах
Свергнутая с небес
Гламурная невинность
Древний инстинкт
Женщина-ветер
Нирвана с привкусом яда
Правда о первой ночи
Дама из Амстердама
Игры с темным прошлым
Властелин на час
Белоснежный лайнер в другую жизнь
Бронзовое облако
Самый близкий демон
Первая жена Иуды
Delete
Хроники Розмари
Солнце в ночном небе
Ледяное ложе для брачной ночи
Подарок от злого сердца
День без любви
Печальная принцесса
Призрак Монро
Персиковый мед Матильды
Издержки богемной жизни
Вспомни обо мне
Красное на голубом

Сердце химеры
Госпожа Кофе
Дождь тигровых орхидей
Миф Коко Банча
Одинокие ночи вдвоем
Алый шар луны
Черника на снегу
Девять жизней Греты
Смерть отключает телефон
Шестой грех
Меня зовут Джейн
Звезды-свидетели
Витамин любви
Две линии судьбы
Когда остановится сердце
Призраки знают все
Аромат желания
За спиной – двери в ад
Тайная любовь Копперфильда
Любовница не по карману
Красивая, богатая, мертвая...
Пожиратели таланта
Черный пасодобль
Серебряная пуля в сердце
Незнакомка до востребования
Ангел в яблоневом саду
Из жизни жен и любовниц
Тринадцатая гостья
Прекрасный возраст, чтобы умереть
Приговоренный к жизни
Признания грешницы
Дом на берегу ночи
Ведьма с зелеными глазами
Пленница чужих иллюзий
Девушка, не умеющая ненавидеть
Цветок предательства
Мишень для темного ангела
Грех и немножко нежно
Если можешь – прости
Убийство в соль минор
Уставшая от любви
Плата за роль Джульетты
Одно преступное одиночество
Слезинка в янтаре
Проклятие Клеопатры
Сколько живут донжуаны
Любовь насмерть
Миллион для Коломбины
Неаполитанская кошка
Стану рыжей и мертвой, как ты
Два лица Пьеро
Париж на час
Умри, богема!
Черная перепелка
Прости меня, твою убийцу
Звериный профиль
Тайна церковной мыши
Тени в холодных ивах
По дороге в синий лес

АННА
ДАНИЛОВА

САВАН ДЛЯ БЛУДНИЦ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д18

Дизайн обложки *К. Гусарева*

Редактор серии *А. Самофалова*

Данилова, Анна Васильевна.
Д18 Саван для блудниц : [роман] / Анна Данилова. — Москва : Эксмо, 2022. — 416 с. — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой).

ISBN 978-5-04-168439-6

«Просто мистика какая-то!» — в ужасе думает сотрудница частного сысканого агентства Юлия Земцова, попав в квартиру своей клиентки Ларисы Белотеловой. Все обстоит так, как та и рассказывала, — на зеркалах внезапно появляются потеки свежей крови, и то тут то там Юлия обнаруживает изящные женские вещицы, принадлежащие явно не хозяйке дома. Кто же так изощренно издевается над Ларисой? А может быть, неизвестный пытается ее о чем-то предупредить? Да, дело очень интересное, и Земцова решает докопаться до истины...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-168439-6

© Текст, Дубчак А. В., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Глава 1

Вадима Льдова обнаружила рано утром уборщица. Он лежал между учительским столом и деревянным ящиком для географических карт в луже крови, лицом вниз. На затылке зияла потемневшая от запекшейся крови большая рубленая рана. Оранжевый джемпер, такой солнечный и апельсиновый, резко выделялся на фоне бледно-зеленых стен класса и серых парт, не говоря уже о приметах поселившейся здесь смерти. Чужовищность этого контраста не замедлила выплеснуться в страшном крике тети Вали, зашедшей в класс помыть полы.

Но на ее крик никто не явился — было слишком рано, и в школе, кроме нее, был только сторож, крепко спавший в раздевалке спортивного зала.

Примерно в это же время в двух кварталах от школы раздался еще один крик. И тоже женский.

Войдя в семь часов утра в спальню к своей четырнадцатилетней дочери Наташе, Людмила Борисовна Голубева не смогла ее добудиться. стакан со следами белой таблеточной кашицы на дне валялся на ковре рядом с кроватью, на которой лежала уже мертвая Наташа.

«Девочка моя, что же ты наделала?.. Как же это?.. Кто виноват? КТО?..»

* * *

Апрельское теплое утро, солнечное и голубое, благоухающее ароматом кофе, казалось, было всем в радость. Даже Щукиной, которая перед тем, как открыть агентство, уже успела забежать в кондитерскую

на соседней улице, чтобы купить там булочек с маком и французских длинных желтых батонов — для бутербродов. С нею, с этой занудой, вечно всем недовольной, в последнее время стало твориться бог знает что. Она теперь постоянно над всеми подшучивала, хохотала до слез над чем попало, мурлыкала себе под нос модные мотивчики, которые раньше вызывали у нее лишь отвращение, и вообще откровенно валяла дурака от сознания и ощущения полнейшего счастья...

Крымов тоже что-то напевал у себя в кабинете, и это было слышно даже в приемной, где Земцова с Шубиным пили кофе и помогали Наде разгадывать свежий кроссворд.

Частное детективное агентство, которым руководил Евгений Крымов, еще пару месяцев тому назад имевшее шанс распасться на две самостоятельные супружеские пары, пока существовало. Были клиенты, а значит, и работа. А еще была фальшь. Она сквозила во всем, что касалось обеих женщин — Наде Шукиной, секретарши и теперь невесты Крымова, и Юли Земцовой, бывшей не так давно адвокатом и поменявшей уютное кресло юридической консультации на рискованную жизнь частного сыщика, с отчаяния чуть было не вышедшей замуж за Игоря Шубина, но вовремя спохватившейся и отказавшей ему исключительно из человеколюбия. Она так и сказала ему: я, мол, слишком эгоистична для брака...

Роман Крымова с Юлей закончился, как это ни парадоксально, его почти браком с Надей Шукиной (осталась простая формальность: свадьба!). Но и это уже не имело значения в тот чудесный апрельский день, когда Юля, вместо того чтобы бросить все ко всем чертям, улететь к маме в Москву и выплакаться там ей в жилетку, вынуждена была улыбаться своей сопернице, которая, в свою очередь, предлагала ей не менее фальшивым вежливо-примирительным тоном добавить молока в кофе, — все уже было позади, и боль любовных потерь постепенно начинала приглушаться; наступила весна, и всем одинаково хотелось острых ощущений, приятных тревог и радостей

физической близости, а говоря по-современному — секса.

Шубин, стоявший у окна с чашкой кофе в руках, вдруг сказал:

— По-моему, это к нам. Юль, давай-ка прими клиентку. Чую сердцем, она по женской, то есть по твоей, части... И Крымову пока не докладывай, может, поплачется-поплачется гражданочка да и уйдет. Уж слишком скромно она одета, чтобы оказаться в состоянии оплатить мой труд... — Он намекал на то, что ему чаще остальных приходилось вести слежку за неверными супругами, а ведь именно такие дела встречались в практике агентства чаще всего.

— Много ты понимаешь, — весело отозвалась Шукина со своего секретарского, но ставшего уже почти королевским кресла. — Ты не смотри, что у нее такое простое серое платье и старомодная сумочка на плече... Платье отлично сшито и сидит на ней идеально, а сумочка стоит столько же, сколько диван, на котором сидит Земцова... Так что, Игорек, готовься, срежь мозоли на ногах, качай мышцы, заправляй пленку в свой «Кодак», перезаряди пистолет и... вперед, на супружеские баррикады!

Раздался звонок. Шукина при помощи специального микрофона, установленного при входе (последнее нововведение Крымова), пригласила посетительницу войти.

— Доброе утро, проходите, пожалуйста, в комнату номер три, это как раз напротив двери. Вас уже ждут, — произнесла она вежливым голосом, насмешливо глядя вслед Юле, спешащей навстречу клиентке.

Они встретились возле двери, Земцова молча открыла свой кабинет и впустила туда выглядевшую крайне взволнованной молодую женщину.

— Садитесь, пожалуйста. — Она жестом указала на кресло и поспешила поднять жалюзи, после чего в серую, заполненную офисной строгой мебелью комнату хлынул яркий солнечный свет.

— Моя фамилия Белотелова. Зовут Лариса. Я живу в вашем городе чуть больше месяца. Купила квар-

тиру недалеко от речного вокзала, устроилась на работу — маникюршей в салон «Елена», может, знаете...

Юля знала этот салон, и первое, что пришло ей в голову, — это наличие у Ларисы связей, раз она смогла так быстро найти себе довольно теплое, денежное местечко.

— У вас здесь кто-то есть?

— Нет, а почему вы спросили об этом? — Лариса вдруг посмотрела на Юлю в упор, словно надеясь смутить сидящую перед ней хрупкую на вид и совсем еще молоденькую девушку-детектива. — Нет, никого.

— А откуда вы приехали?

— Из Петрозаводска.

— Вы извините, что я задаю вам вопросы, еще не выяснив, зачем вы пришли к нам, но мне просто любопытно, что же такого привлекательного вы могли найти в нашем захолустье? Обычный город, разве что на Волге...

— У меня не сложилась личная жизнь там, в Петрозаводске, и я решила все продать и уехать... Знаете, как это бывает — просто ткнула пальцем в карту...

— А если бы попали, извините, в Северный полюс?.. Впрочем, — спохватившись, что уже и так потратила достаточно много времени лишь для того, чтобы получше разглядеть посетительницу и попытаться самой догадаться о причине, приведшей ее в агентство, сказала Юля, — мне не так уж важно все это знать. Итак, я слушаю вас, Лариса.

— То, с чем я к вам пришла, сильно смахивает на сюжет мистического триллера, и поэтому вы можете не воспринять меня всерьез. То, что со мной происходит вот уже несколько дней, не поддается никакому объяснению... И поверьте — я не сумасшедшая...

Юля вспомнила визит Лоры Садовниковой. Она была тоже молода и красива и пришла к ней вот сюда же, в этот кабинет, чтобы рассказать совершенно фантастическую историю о том, что живет с мужчиной, называющим себя ее мужем, в то время как она сама этого мужчину не знает и **ВООБЩЕ НИЧЕГО НЕ ПОМНИТ О СЕБЕ!** Это было одно из первых дел Юли, пожалуй, самое запутанное, сложное и вместе

с тем интересное. Лора тоже говорила о том, что она не сумасшедшая. Люди, ставшие жертвами изощренных преступников, больше всего боялись, что их примут за ненормальных, в то время как им просто морочили голову. Наверняка и этот случай из той же области.

— Я уже говорила вам, что купила квартиру поблизости от речного вокзала, трехкомнатную. Как вы думаете, сколько она может стоить?

— Смотря в каком она состоянии...

— В прекрасном. Отремонтирована, да к тому же еще и с телефоном, метраж — около сотни квадратных метров.

— Думаю, миллиона два-три...

— Вот и не угадали. Двести пятьдесят тысяч, причем в эту сумму вошла и оплата агенту.

— Вы шутите... Таких цен уже нет.

— Я тоже так думала. Когда агент привез меня на эту квартиру и я увидела ее, я, еще не зная цену, сразу же заявила ему, что у меня таких денег нет... И когда он назвал мне цифру, я подумала, что он попросту издевается надо мной...

— Извините, надеюсь, что ко мне вы пришли не для того, чтобы поговорить о ценах на недвижимость? Вы нашли какой-то крупный недостаток в этом жилище? Что-нибудь произошло?

— Да, произошло. Нет, вы не подумайте, трубы не потекли, крыша тоже, и потолок не обрушился... Здесь ДРУГОЕ. Понимаете, в моей квартире стали появляться какие-то чужие вещи. Женские вещи, точнее. А в прихожей на полу я обнаружила как-то капли крови, СВЕЖЕЙ крови... Словно у кого-то из носа пошла кровь... и следы вели к двери. В другой раз кровь была разбрызгана в спальне, прямо на зеркале.

— Мистика? — не смогла не улыбнуться Юля, которая не поверила ни единому слову посетительницы. Похоже, у нее и впрямь было не в порядке с головой. — Вы верите в мистику?

— До сих пор, во всяком случае, не верила, но тогда объясните мне, ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

— Вы хотите, чтобы мы нашли человека, который подбрасывает вам эти вещи и разбрызгивает кровь по

квартире? Быть может, у вас есть враги или недоброжелатели, которым удалось снять слепки с ваших ключей и которые в ваше отсутствие бывают в квартире? Можно ли забраться на ваш балкон с улицы или от соседней?

— Балкон есть, но он высокий... Нет, забраться нельзя.

— А вы не спросили вашего агента, почему квартира стоит так дешево? — Этот вопрос показался Юле куда более важным, чем явно придуманные впечатлительной женщиной брызги крови на зеркале.

— Спросила, конечно. Он сказал, что хозяину нужно срочно уехать из города, у него в Москве умер кто-то из родственников... Я-то сама хозяйина не видела, потому что документы подписывал по доверенности агент, Саша. Да и к чему мне было знакомиться с бывшим хозяином квартиры? Я была настолько потрясена этой сделкой, так обрадована, что мне было ни до кого... А Саше в благодарность я подарила бутылку хорошего коньяка... Думаю, он до сих пор жалеет о том, что не продал квартиру хотя бы за миллион.

Юля тряхнула головой. Что-то здесь было не так. Где это видано, чтобы квартиры в элитном районе продавали за бесценок, и как могло вообще случиться, что ее не приобрела сама риэлтерская фирма, чтобы потом перепродать кому-нибудь втридорога?! Ведь практически все продающиеся квартиры находятся у них под контролем, рынок недвижимости полностью перешел из частных рук к риэлтерам.

— Вы все расспрашиваете меня о квартире, словно забыли уже о том, С ЧЕМ я к вам пришла... Вот представьте себе. Вы приходите домой, идете в ванную комнату мыть руки, включаете там свет, открываете дверь и вдруг видите прямо на зеркале капли крови... Скажите, неужели это не произвело бы на вас никакого впечатления?

Веки посетительницы покраснели, а ярко-голубые глаза стали наполняться слезами. Порозовел и кончик носа, и уже спустя несколько секунд перед Юлей сидело испуганное насмерть существо. Юле

даже показалось, будто Лариса уменьшилась в размерах, а во всем ее трогательно-нежном облике появились детские черты.

— Предположим, что я вам поверила. Тогда расскажите, какие вещи конкретно вы обнаружили у себя в квартире и когда?

Лариса с готовностью достала из сумочки целлофановый сверточек и осторожно, с извиняющимся видом, словно наперед знала, что делает что-то недопустимое, положила его прямо на стол.

— Что там? Разверните, я же не вижу.

Она развернула, и Юля увидела прозрачный матово-дымчатый комочек нейлона.

— Чулки?

— В том-то и дело, что чулки. Понимаете, я НИКОГДА не ношу чулок, а тем более таких, как эти, с резинками... Подруг, которые могли бы, скажем, забыть их в моей квартире, у меня нет, я еще ни с кем не сдружилась настолько, чтобы приглашать в гости, а если предположить, что все-таки кто-то заходил, точнее, вломился, тогда непонятно, почему он ничего не украл... Ведь я проверяла — все на месте, представляете?!

— Какие интересные вещи вы мне рассказываете и... показываете.

Юля встала, обошла стол и, склонившись, внимательно посмотрела на чулки. Женщина, которая носит подобные изящные вещицы, обладает хорошим вкусом и явно не бедствует. И это пока все, что можно было сказать. Другое дело, каким образом эти чулочки оказались в квартире Ларисы Белотеловой?

— Это все?

— Нет. Еще сорочка. Розовая. Но я ее не принесла, она бы не поместилась в сумке. А еще крохотный золотой крестик на тоненькой цепочке, он у меня здесь, в кошельке...

— Вы хотите, чтобы мы проследили за вашей квартирой? — спросила Юля, разглядывая цепочку и крестик, сверкающие на ладони Ларисы.

— Сначала я хотела этого, но теперь, когда уже не-

сколько ночей не сплю и вздрагиваю от каждого звука, мне кажется, что дело не в квартире...

Юля уже ничего не понимала. Неужели эта женщина думает, что появление в ее доме чужих женских вещей и крови — результат действия нечистой силы?

— Я вижу, что вы мне не верите... Извините... — Лариса резко встала и, слегка покачнувшись, схватилась за голову. — Кружится... Признаться, мне этот визит дался нелегко... Я чувствовала, что только напрасно потеряю время, потому что мне никто не поверит...

— Но ведь вы же еще ничего не сказали мне. Что мы можем для вас сделать? Выяснить, кто является хозяйкой этих чулок и золотого крестика?

— Должно же быть всему этому какое-то разумное объяснение! Я прошу у вас помощи и готова заплатить за работу. Если понадобится, я отдам вам ключи от квартиры и создам все условия, чтобы кто-нибудь из вашего агентства провел у меня ночь... Уверена, что вы сами будете шокированы не меньше моего, когда увидите, что там происходит...

— А голоса? Вы не слышите никаких голосов?

— Слышу. А ведь вы спросили об этом не без издевки? Я понимаю вас, мой рассказ выглядит по меньшей мере **НЕУБЕДИТЕЛЬНО**... Голоса... Да, безусловно, я слышу их. Точнее, не голоса, а **ГОЛОС. ЖЕНСКИЙ**. Это стон или крик, но явно отдаленный...

— А вам не приходило в голову, что кто-то хочет свести вас с ума? Способ довольно известный. Быть может, я повторяюсь, но все же: вспомните, есть ли у вас враги?

Юля говорила это вяло и откровенно скучала. После того как Лариса ответила на вопрос о голосах, интерес к посетительнице угас: либо шизофрения, либо чья-нибудь изощренная инсценировка, направленная на то, чтобы свести с ума новую хозяйку квартиры.

— Враги у меня, может, и были, но только уж

больно далеко отсюда, в Петрозаводске. И никто не знает о том, что я перебралась сюда.

— Ну что ж, мне все понятно. Сейчас я ознакомлю вас с нашими условиями, посоветуюсь с шефом, выясню, когда к вам лучше подъехать, и начнем работать...

Юля назвала сумму аванса и была слегка удивлена, когда Белотелова с готовностью достала из сумочки деньги и отработанным быстрым движением кассира отсчитала необходимое количество стодолларовых банкнот. Посетительница с такой легкостью расставалась с деньгами, что этому могло быть только два объяснения: либо эти деньги упали ей с неба, либо ее до такой степени замучили кошмары, что она готова отдать последнее, лишь бы только от них избавиться.

— Подождите меня здесь, я сейчас оформлю и принесу вам чек. — Юля вышла из кабинета и направилась к Крымову.

— Полтергейст, привидения, паранормальные явления — словом, «Секретные материалы»... — сказала она ему с порога, бросая на стол пачку денег.

Крымов, сощуривая свои ультрамариновые глаза, улыбнулся, откинулся на спинку стула и потянулся, расправляя мышцы рук и ног. Его рыжие замшевые башмаки смешно, по-клоунски, выглядывали из-под стола.

— Юлечка Земцова собственной персоной. Приятно видеть и тебя, и эти денежки...

Как же она сейчас ненавидела его, и как же больно ей было видеть его самодовольное, ухмыляющееся лицо, которое еще совсем недавно было для нее самым дорогим, самым прекрасным... А эти глаза? Она могла бы сутками смотреть в них, испытывая сладкое головокружение, но теперь все это было в прошлом, теперь Крымов принадлежит только Щукиной. Бред! Она до сих пор не могла привыкнуть к этой мысли и часто ловила себя на том, что присутствие Крымова мешает ей сосредоточиться на работе, ее мысли разлетались, а речь почти отнималась... А иногда Юле казалось, что она здесь, в агентстве, и вовсе лишняя. Что

ее неприязненные отношения со Шукиной, которые просто невозможно было скрыть, всем бросаются в глаза и вызывают если не раздражение, то уж точно усмешку. У того же Крымова.

Внезапно ухмылка исчезла с его лица, оно стало серьезным и даже озабоченным.

— Ты что? — Он встал, быстрым движением подошел к ней и привлек к себе, но, почувствовав сопротивление, еще сильнее сжал ее. — Ну, успокойся, не будь злой кошкой...

Он хотел, видимо, сказать еще что-то, но в коридоре послышались шаги, и едва он успел вернуться на место, как в кабинет без стука вошла Надя Шукина. С видом хозяйки она подошла к столу и, не обращая никакого внимания на стоявшую рядом с ней Юлю, произнесла самым обыденным тоном, как если бы они были вдвоем с Крымовым:

— Мы будем обедать здесь, в «Клесте» или поедем домой?

Юля почувствовала, как лицо ее запылало от стыда и унижения. Не помня себя от переполнявших ее чувств, она выбежала из кабинета и по дороге в приемную столкнулась с Игорем Шубиным.

Она хотела сказать ему, что больше не может оставаться здесь ни минуты, что эти стены давят на нее, что голос Крымова, доносящийся из-за двери его кабинета, действует ей на нервы и лишает последних сил и что ей сейчас больше всего на свете хочется сесть на поезд и поехать к маме в Москву, но ничего этого она почему-то не произнесла вслух. Она просто уткнулась лицом ему в грудь и разрыдалась. И Шубин, который понимал ее без слов и страдал из-за того, что их зарождавшиеся отношения закончились полным крахом и отказом Юли выйти за него замуж, обнял ее:

— А я всегда считал тебя сильной... Успокойся, вытри слезы, у тебя есть платок? Ты должна хорошо выглядеть...

Она подняла голову и посмотрела на него с недоумением, как бы спрашивая, зачем это ей выглядеть

хорошо, когда на душе так тошно и хочется умереть, и услышала:

— Там к тебе пришли... Заканчивай со своей клиенткой и возвращайся в приемную.

* * *

Он по ошибке зашел в женский туалет, и первое, что ему бросилось в глаза, — это вид двух бледненьких и щупленьких девиц, подпирающих крашенные зеленые стены и дымящих сигаретами с сознанием своей взрослости и выражением лица, свидетельствующим об утомленности не только физической, но и, похоже, хронической усталости от жизни вообще.

— Ты куда, дядя? — спросила у Корнилова одна из них — упакованная в черную кожу (обтягивающие стройное тело брюки и жилетка поверх белой водолазки) и увешанная звенящими цепями, — сплюнула себе под ноги, после чего грязно выругалась и запустила в него бумажным шариком.

— Извините, девочки, здесь на двери нет никаких опознавательных знаков, а я в вашей школе первый раз. Кстати, вы не могли бы выйти со мной отсюда, а то как-то неудобно здесь разговаривать...

Девушка в черной коже хмыкнула. В ее глазах зажглось любопытство, смешанное с желанием показаться опытной женщиной в глазах незнакомого солидного мужчины.

— А вы, собственно, кто?

— Я следователь прокуратуры, Корнилов Виктор Львович. Расследую дело об убийстве Льдова... Вы были с ним знакомы?

— Пошли, Ольк... — произнесла хрипловатым голосом «кожаная» девушка, резко направляясь к двери. — Этот мент еще загребет нас...

Вторая, в джинсах и черном свитере, щелчком отправив погашенный о стену окурочок в сторону урны, покорно двинулась к выходу.

— Девочки, куда же вы? — Виктор Львович поймал вторую девушку за руку, и они вместе вышли в коридор. Залитый солнцем, он никак не располагал к

разговору о смерти. Но она еще витала здесь, ее при-
мета — портрет Вадима Льдова в черной рамке, по-
мещенный на обшитою красным сатином постамен-
те в центре коридора и украшенный букетиками из
живых тюльпанов, — бросалась в глаза и казалась
чем-то противоестественным, зловещим и словно
предупреждала о нависшей над всей школой беде.

— Да пошел ты! — Девушка рванула руку, но Кор-
нилов крепко держал ее.

— Где это тебя учили так разговаривать со взрос-
лыми? Где? — спросил он спокойно, словно уже
привык к подобному обращению.

Она ответила. Одним словом. В рифму. Грязно.
Словно ударила плетью по лицу. Корнилов даже по-
краснел. За нее.

Коридор тянулся вдоль прямоугольника школы
по периметру, где-то за углом находился класс, ключ
от которого ему дала директриса школы Иванова Га-
лина Васильевна, чтобы он мог там беседовать с од-
ноклассниками Льдова.

Похороны Вадима были назначены на завтра,
все в школе да и микрорайоне только об этом и гово-
рили, а вот родители Льдова к Корнилову так и не
пришли. Ему передали, что они не хотят ни с кем об-
суждать смерть сына и, главное, не желают тратить
время «на пустые разговоры». Он все утро думал об
этом.

Слегка подтолкнув девушку к двери, он сделал
знак другой следовать за ними.

— Входите, здесь вас не укусят. По-моему, вы и
сами кого хотите разорвете... Тебя как зовут?

— Лена, — ответила девушка в цепях. Теперь она
демонстративно жевала жвачку и смотрела на Кор-
нилова немигающим взглядом жирно подведенных
нахальных глаз. — Тараскина. Девятый «Б».

— А тебя?

— Оля Драницына, тоже девятый «Б», — ответи-
ла девушка в черном свитере. В отличие от подруж-
ки, превратившей свое худенькое детское лицо в раз-
малеванную маску женщины-вамп, Оля выглядела
(если бы не сигарета, с которой застал Корнилов ее в

туалете) милой розовощекой девочкой-паинькой. Большие голубые глаза ее блестели, а между красными, без помады, пухлыми губами светилась белоснежная полоска здоровых зубов.

— Значит, мне повезло? Вадим учился в вашем классе?

— Значит, — ответила Лена. — Но мы не знаем, кто его убил. Вадим был хорошим парнем, авторитетным, хорошо учился, никого не доставал, с учителями ладил...

— А где ты научилась так ругаться матом?

— Нигде. На улице. Мы ничего не знаем, так что отпустите нас. Занятия закончились, нам пора домой, ДЕЛАТЬ УРОКИ...

— А ТЫ, Оля, что можешь сказать о Вадиме?

— Ничего. — Она опустила глаза и поправила рукой упавшие на лицо волосы, которые блестящей шафранной волной покрывали плечи и грудь. Это была красивая девочка, вот только непонятно, почему она повиновалась Лене. Это было видно невооруженным глазом.

— Он дружил с кем-нибудь из девочек? — спросил Корнилов.

Лена хмыкнула.

— Он со всеми дружил, — ответила она за Олю.

— Как это? Ну, была же у него девушка, которая нравилась ему больше всех?

— Не было.

— Оля, почему ты молчишь?

— А что говорить, если Лена вам и так все правильно сказала.

Корнилов отпустил их. Они явно что-то скрывали, но сейчас, очевидно, еще рано было о чем-то говорить, слишком свежая была рана на душе — подружки наверняка были влюблены в Льдова, как и все остальные девочки из их класса, так, во всяком случае, считала классная руководительница, Ларчикова Татьяна Николаевна.

Виктор Львович некоторое время сидел в классе один, пытаясь представить себе Вадима живого, но у него так ничего и не получилось. С минуты на минуту

должны были подойти остальные одноклассники Вадима — он вызвал их на тринадцать тридцать. Очевидно, Драницына и Тараскина не пошли на физкультуру, а вместо этого болтались по школе и курили в туалете.

В дверь постучали.

— Можно? — просунул голову паренек с веселыми темными глазами. — Нам сказали, что вы будете с нами разговаривать...

«В каждом классе, — подумал Корнилов, — есть такие веселые непоседы, задающие всевозможные вопросы и играющие роль шута, они всегда в курсе всего, на короткой ноге с «классной» — одним словом, «шестерки». Он знал этот тип людей, а потому не поверил ни улыбочке парня, ни его готовности рассказать все, что знает. Да и вообще, как можно объяснить эту улыбку, разве что как нервическую, близкую к истерике? Но навряд ли ЭТОТ будет убиваться по однокласснику. Он наверняка радуется в душе, что одним авторитетом в классе стало меньше, а это означает повышение его шансов занять место отличника и красавчика Льдова...

Корнилов снова попытался представить Вадима живым, но перед глазами стояло изуродованное смертью, потемневшее лицо, которое он видел в морге...

— Заходи, с тебя и начнем.

Паренек вошел, остановился, и улыбка сошла с его лица. Он даже побледнел. Невысокий, русоволосый, в теплой фланелевой куртке цвета желтка.

— Тебя как звать?

— Виктор Кравцов. Я был его другом.

— Я так и понял. Ну что ж, Виктор, давай поговорим...

* * *

Людмила Борисовна курила на кухне. В квартире толпился народ — все, кто знал их семью, пришли попрощаться с Наташей. Несколько раз звонил Корнилов, просил разрешения приехать. Голубева отвечала ему мягким и в то же время упорным отказом —

к чему теперь, когда Наташеньки нет, эти разговоры о ее подростковых привязанностях, друзьях и любовях? Зачем отдавать в руки бесстрастного следователя последнее доказательство того, что в этих стенах жила и дышала юная душа, исполненная сильных чувств и погибшая, не выдержав бремени собственных страстей? Все это слишком интимно и чисто, чтобы потрясать предсмертной запиской у него перед глазами. Главное, что Наташу не убили, а это означает, что никакого преступления не было. Чего же еще? И при чем здесь прокуратура?

О существовании записки не знал даже муж, отец Наташи, Андрей Голубев. Возможно, останься Вадим жив, он захотел бы встретиться с ним и разобраться, а если потребуется, то и...

Она вздохнула, представив себе, что могло бы произойти, если бы Вадима не убили. Ведь это из-за него, мужчины молочной спелости, погибла ее единственная дочь, которая была влюблена в него до беспамятства, до бреда по ночам, до судорожных рыданий... Людмила не могла припомнить, чтобы она сама когда-нибудь, а тем более в таком юном, четырнадцатилетнем возрасте так остро переживала любовные потрясения. Мальчик может нравиться, его можно желать лишь губами и умом, но ведь не больше! Хотя про Вадика говорили, что он живет чуть ли не с классной руководительницей... Нет, этого не может быть! И в то же время, устроить молоденькой смазливой учительнице ловушку-провокацию — при нынешнем-то развитии детей — сущий пустяк! Что стоило запереть ее в классе с Вадимом и сделать несколько снимков в тот самый момент, когда Ларчикова попытается оттолкнуть от себя расшалившегося, разошедшегося не на шутку, распаленного Льдова? Тем более что такой снимок уже существует. И показывала его Людмиле сама Наташа. Но не плакала, а злилась, называла Льдова мерзавцем, подлецом... И все же продолжала любить его.

Людмила Борисовна не заметила, как сигарета потухла в ее руке. Она вновь стала слышать голоса (кто-то приходил, уходил, плакал, причитал, а в воздухе и

лицах присутствующих чувствовался немой вопрос: почему?); на плите шумел чайник, который кто-то поставил неизвестно для кого...

Она встала и заперла кухонную дверь. Ей надо было немного побыть одной. Достала из кармана смятую в судорожном движении (еще там, в спальне, куда она пришла, чтобы разбудить Наташу) записку — синие каракули на тетрадном листе: «Вадим Льдов предал меня. Я не хочу больше жить. Простите меня все». Это был почерк дочери. Да и фраза «Вадим Льдов предал меня» произносилась в последнее время довольно часто. Никаких сомнений — Наташа отравилась из-за любви. Но справедливость восторжествовала. Теперь уже и Льдова не было в живых. В двух кварталах отсюда в одной из квартир панельного дома тоже собрались люди в черных одеждах, чтобы проститься с Вадиком...

— Люда, открой дверь, — услышала она взволнованный голос мужа, встала, спрятала записку дочери в карман и поспешила открыть дверь.

— Со мной все в порядке, — сказала она, глядя на бледного, с черными кругами под глазами, Андрея, обнимая его в порыве благодарности за то, что он вообще есть. — Просто хотелось немного побыть одной... Знаешь, мне не верится, что ее больше нет. Я словно слышу ее голос, и он такой жалобный...

Она хотела слез, собственных слез, чтобы облегчить свои страдания и ту боль, которая мешала дышать и давила на грудь и горло ледяным острым комом. Поэтому и растревляла себя придуманными слуховыми галлюцинациями.

— Пришел Корнилов, следователь, — проронил Андрей, словно извиняясь. — Я ему сказал, что ты никого не хочешь видеть...

— Да нет, я выйду к нему, конечно. Он на работе, и я не имею права так вести себя... Пойдем, ты проводишь меня к нему.

Людмила машинально достала из рукава смятый платочек и, повернувшись к висящему на стене зеркалу, обмахнула лицо.

И все же все это сильно смахивало на сон, сейчас

она проснется и увидит Наташу, спросит дочку, как ей спалось, что приснилось...

Она вышла из кухни вслед за мужем и, только увидев заплаканные лица родных, поняла, что это не сон, что они пришли сюда словно в подтверждение того, что Наташа уже никогда не проснется.

— Примите мои соболезнования, — услышала Людмила и поняла, что этот высокий голос принадлежит, как ни странно, мрачноватому человеку с мужественным лицом. Глубокие морщины, впалые щеки и опущенные уголки губ делали его похожим на усталого, загнанного насмерть отощавшего пса. — Виктор Львович...

Он крепко и как-то по-мужски заботливо и осторожно, двумя руками, сжал маленькую ладошку Людмилы.

— Вы пришли, чтобы...

— Нет-нет, что вы... Я пришел только потому, что должен был прийти. Но мучить вас расспросами сейчас не собираюсь. Вы знаете, что там, внизу, собрался весь класс... Вернее, половина класса, потому что вторая половина сейчас возле дома Льдова. Какое жуткое совпадение.

— Никакого совпадения. Тем более что Вадика убили, а Наташа сделала это сама. Вы не думайте, со мной можно сейчас говорить о чем угодно, быть может, потому, что я еще не поверила в происшедшее... В истерике я не забьюсь.

— Скажите, а в каких отношениях были Наташа с Вадимом?

— В нормальных, ровных. Он нравился ей, конечно, так же как всем остальным девочкам.

— Она не оставила записки?

— Нет, не оставила. Что касается причины, то мы не ссорились, в классе к ней относились с уважением, с учителями она не конфликтовала...

— Если вы что-нибудь вспомните, позвоните мне. — Корнилов сунул ей в руку визитку. — И еще раз — извините меня, пожалуйста...

Он, пятясь, смешался со стоящими в прихожей людьми, оставляя Людмилу одну среди этих нещад-

ных траурных декораций, странных тошнотворных запахов, гула... Она хотела броситься вслед за ним, чтобы он взял ее с собой и вывел из этого кошмара на улицу, на свежий воздух, в реальность, но ноги сами привели ее в большую комнату, где все, расступаясь перед ней, расчистили ей дорогу к гробу, в котором лежала бледненькая, с грустным личиком Наташа.

Глава 2

Юля договорилась с Белотеловой встретиться вечером у нее дома. Пусть даже у дамочки проблемы с головой, но, раз человеку требуется помощь, почему бы не оказать ее? Другое дело, что заниматься подобными **НЕРЕАЛЬНЫМИ** вещами — пустая трата времени. Разве что только таким образом можно отработать полученный аванс...

Бедняжка обрадовалась, когда поняла, что в агентстве заинтересовались ее делом и что она эту ночь или вечер, быть может, проведет не одна.

— Вот увидите, я ничего не придумываю... Хотя, если вдруг окажется, что нет никакой крови и сорочек, это еще не будет означать, что я вас обманула... Ведь **ЭТО** появляется не каждый день.

— Конечно, не переживайте так... — Юле вдруг показалось, что Лариса Белотелова послана ей не случайно, а словно для того, чтобы на фоне ее проблем собственные огорчения показались сущим пустяком. Ну в самом деле, мужчина, которого она любила, решил жениться на другой! Такое случается сплошь и рядом. Надо это просто пережить. А сделать это можно безболезненно, лишь упорно работая и стараясь не замечать вокруг себя счастливых лиц Крымова и Щукиной. В сущности, любовь зла, это и ребенку понятно. И никто не виноват в том, что Крымов влюбился в Надю.

— Так я вас жду в восемь?

— Договорились. — Юля проводила клиентку до

двери и вернулась в приемную, где ее, по словам Шубина, кто-то ждал.

На залитом солнечным светом диване сидел, закинув ногу на ногу, мужчина лет сорока пяти в светлом костюме. У него был вид человека, который далеко не каждому расскажет о причине своего визита. Он явно был критически настроен и, похоже, все то время, что дожидался Юлю в присутствии Шубина, молчал. Во всяком случае, это было написано на его гладко выбритом ухоженном лице и читалось в холодных серых глазах. Увидев Земцову, он тотчас встал.

— Это вы ко мне? — спросила она, пытаясь понять, видела ли она раньше этого человека или нет. Кажется, нет.

— Да, я. Мы можем поговорить где-нибудь наедине?

Юля успела поймать возмущенный взгляд Шубина, курившего у окна и старавшегося делать вид, что ничего не видит и не слышит.

— Разумеется. Пойдемте ко мне.

И вот она снова в своем кабинете, откуда только что вышла Белотелова, оставив после себя тонкий аромат духов.

— Я слушаю вас. — Юля жестом пригласила посетителя сесть в кресло и даже придвинула ему пепельницу.

— Моя фамилия Зверев. Вы меня не знаете и, конечно же, не помните. Хотя мы виделись с вами однажды в ресторане «Клест», что на углу Бахметьевской и Ильинской. Вы ужинали там с Ломовым, а я как раз приезжал туда по делам...

Юля вспыхнула, щеки ее залил горячий румянец стыда: что может знать этот человек об их романе с Ломовым?

— Вы были знакомы с ним? — спросила она, боясь посмотреть ему в глаза. История их отношений с Ломовым являлась одним из самых постыдных и трагических эпизодов в жизни Юли. Надеясь найти в Ломове, человеке большого ума и одновременно порочном до мозга костей, мужчину своей жизни, Юля позволила себе увлечься им и чуть не поплатилась за это

жизнью. И она погибла бы, если бы ее не спас ее бывший подзащитный Зименков, оказавшийся так вовремя в том жутком подвале...

От нахлынувших воспоминаний ей стало не по себе.

— Я не помню вас, — только и сказала она. — Ваш приход как-то связан с делом Ломова?

— Нет, мой приход связан только с вами, Юля. Я бы хотел пригласить вас сегодня поужинать со мной.

— И это все? — Она была удивлена. Работая рядом с Крымовым и находясь под гипнозом своих чувств к нему, она, оказывается, забыла напрочь о существовании других мужчин. Шубин не в счет. Шубин — свой человек, он тоже всегда рядом, а при таких условиях сложно оставаться для него только женщиной.

— А вы бы предпочли, если бы я нанял вас проследить за своей женой?

— А почему бы и нет... — Она грубо зондировала почву. — Каждый занимается своим делом.

— А действительно, почему бы и нет?.. — Он грустно усмехнулся. — Можно начать наше знакомство и с этого. Чем не причина для частых встреч, звонков, бесед?..

«Значит, женат, — поняла она. — Тем лучше».

— Тогда давайте начнем работать. — Юля, тихонько вздохнув, придвинула к себе толстый новый блокнот, первая страница которого была исписана сведениями о Белотеловой, и перевернула лист. — Фамилия, имя, отчество вашей жены, адрес, место работы.

— Земцова Юлия Александровна, улица Абрамовская, частное сыскное агентство...

Она швырнула ручку и встала.

— Знаете что, время у меня ограничено. Скажите, разве я давала вам повод для подобных шуток? Или, возможно, тот факт, что вы видели меня в ресторане с Ломовым, дает вам право приударять за мной таким грубым образом?

— А что считается не грубым образом? Я, при-

зняться, не искушен в подобных вещах, но если бы у меня было время подготовиться и попытаться представить себе, что могло бы поразить ваше воображение, то я бы непременно так и поступил... Но я был чертовски занят, я мотался по стране, работал как проклятый, пытаюсь везде успеть...

— О чем вы? — Сбитая с толку, Юля ничего не понимала.

— Да просто я не могу себе простить того, что уехал отсюда без вас.

— А почему вы должны были уехать со мной?

— Потому что чувствую глубокую внутреннюю связь между нами. Понимаете, мы совершенно не знакомы друг с другом, вы ничего не знаете обо мне, я — о вас, но тогда как же объяснить, что я постоянно думал и думаю о вас, представляю вас у себя дома и даже мысленно разговариваю с вами? Мне кажется, все это не случайно. Как не случайна и смерть Ломова. Он не должен был оставаться с вами. Меня не интересуют подробности ваших с ним отношений и его смерти, для меня важен лишь факт, что вы не вышли за него замуж, что вы не вышли замуж и за Крымова, не стали женой Шубина...

— Вы что, следите за мной?

— Конечно. По мере возможности. А как же иначе? Юля, я взрослый человек, занятой, для меня, в отличие от многих в этом городе, время не бежит, а ЛЕТИТ...

— Чем вы занимаетесь?

— Всем понемногу.

— И все же?

— Компьютеры, живые цветы, золото...

— А почему же я никогда и ничего не слышала о вас? У нас не такой уж большой город, чтобы человек, занимающийся одновременно компьютерами, цветами и золотом, где-нибудь не засветился...

— Дело в том, что я большую часть года провожу в Москве... — Он выдохнул, как если бы его только что заставили признаться в чем-то таком, о чем он при других обстоятельствах говорить не стал. — А здесь, в С., у меня дочерние фирмы.

— И что же вы хотите от меня?

Он некоторое время смотрел на нее пристально, думая о чем-то своем, после чего встал и вдруг, резко подавшись вперед, настолько приблизил к ней свое лицо, что она, не успев ничего сообразить, почувствовала на своих губах нежное и осторожное прикосновение. Он поцеловал ее! Это было неслыханно! Совершенно незнакомый ей человек пришел в агентство, объявил всем, кто там был, что он пришел именно по ее душу, дождался, пока она освободится, и, оставшись с ней наедине, наговорил бог знает что и поцеловал ее в губы!

— Я, конечно, идиот... — Он замотал головой и, бормоча что-то себе под нос, почти выбежал из кабинета.

Его шаги резонировали с буханьем ее сердца. Стало вдруг необычайно тихо. Так бывает после того, как люди наговорят друг другу уйму непростительных и обидных вещей. А ведь ничего подобного не произошло. Просто Зверев пришел к Юле, чтобы признаться ей в своих чувствах. И что же здесь плохого? Может, влюбился человек?

В дверь постучали. Это был Шубин.

— Ты знаешь его? — спросил он.

— Нет. Сегодня впервые увидела, хотя он утверждает, что встречал меня в «Клесте» с Ломовым.

— Как его зовут?

— Его фамилия Зверев.

— У него дело?

— Да...

— Какое?

Шубин ревновал, это невозможно было не почувствовать. А еще он разволновался, скулы его порозовели, а глаза потемнели не то от гнева, не то от переполнявшего его чувства собственного достоинства. Он ни на минуту не переставал страдать от равнодушия Юли, как не переставал и надеяться на ее взаимность.

— Он спросил меня, во что ему обойдется слезка за его женой. Думаю, что ему кто-то порекомендовал меня, потому что, повторяю, мы лично с ним незна-

комы. Не смотри на меня ТАК... Ты не должен ревновать меня ко всем нашим клиентам. Успокойся, думаешь, я не вижу, что с тобой происходит? Мы все на пределе... И Шукина тоже. Я не верю, что она спокойна. Вот только не понимаю, зачем ей было заходить в кабинет Крымова как раз в тот момент, когда там была я, и спрашивать его тоном заботливой женушки, где его светлость будет обедать...

Кажется, ей удалось сменить тему разговора и перейти от Зверева к Крымову.

— Ты что, Шукину не знаешь? Бог с ними, я приглашаю тебя пообедать, а заодно расскажу об одном звонке... Ты слышала, наверно, о самоубийстве девочки из семьдесят шестой школы?

* * *

Ларчикова Татьяна Николаевна, классная руководительница 9-го «Б», после двойных похорон пригласила нескольких девочек к себе домой. С кладбища в город их привез школьный автобус.

Уже дома, разливая дрожащими руками по чашкам чай, она смотрела на заплаканные лица Тамары Перепелкиной, Вали Турусовой, Кати Синельниковой и Жанны Сениной и пыталась угадать, видел ли кто из девочек те снимки, которые теперь уже свободно ходили по школе и явились поводом для ее предстоящего увольнения.

— Татьяна Николаевна, — наконец сказала, шмыгнув по-детски носом, Валя Турусова, худенькая высокая девочка с длинными кудрявыми волосами, отличница, которую уважали в школе не только учителя, но и одноклассники за ум и способность ясно, как никто, выражать свои и чужие мысли. Пожалуй, это была единственная девочка из всей школы, которая, будь у нее посостоятельнее родители, могла бы экстерном закончить не только школу, но и университет и вообще получить какой-нибудь престижный гранд или уехать учиться за границу. А так ей приходилось учиться рядом с посредственностями, да еще и находить с ними общий язык, чтобы ее хотя бы не тро-

гали. Валя была остра на язычок и иронизировала по каждому поводу, часто балансируя на грани черного юмора.

— Татьяна Николаевна, чего скрывать, мы все видели эти снимки, но никто из нас, — она обвела взглядом присутствующих, — не поверил в то, что вы делали это по своей воле...

— А что ты имеешь в виду? Что именно я не делала по своей воле? Он вошел ко мне в класс, когда уже стемнело. Я даже не поняла, что произошло, потому что все было сделано очень быстро... Он был голый... Вадик... Совсем без одежды! Он набросился на меня сзади, запрокинул голову и так наклонил назад стул, что я могла упасть и сломать себе позвоночник... А в это время Кравцов защелкал фотоаппаратом. Вот и получилось, будто мы со Льдовым целуемся... А ведь я в это время думала только о том, чтобы не упасть.

— Хоть и не полагается говорить о покойниках плохо, но Льдов был непредсказуемым и очень опасным типом. Лично я его всегда боялась, — подала голос миниатюрная шатеночка Катюша Синельникова, которая (и всем это было известно) была влюблена в Виктора Кравцова, близкого друга Льдова, и старалась при каждом удобном случае представить своего возлюбленного как жертву Вадима. — Вы, Татьяна Николаевна, ни в чем не виноваты, а потому должны ходить с высоко поднятой головой. На вашем месте мог оказаться кто угодно... А тот снимок, где вы оба голые... — Она покраснела. — Так это и дураку понятно, что монтаж.

— Я тоже считаю, что Льдову досталось поделом. Не знаю уж, кто его убил, но, значит, было за что. Мне больше всего Наташу жалко. А еще как-то страшно... А что, если и ее тоже убили? Маньяк какой-нибудь влез к ней в окно и заставил ее выпить яд? — предположила Валя.

— Девочки, я что, собственно, пригласила вас... — Татьяна Николаевна достала из серванта большую коробку шоколадных конфет, открыла ее и предложила ученицам. — Мне вскоре понадобится ваша

поддержка, и очень серьезная... Возможно, на меня заведут уголовное дело, и тогда мне нужны будут свидетели. Вы понимаете, о чем идет речь?

— Уголовное дело? Но почему? — Ярро окрашенное личико Тамары Перепелкиной побледнело. — Что вы такого сделали? Вы что, ударили его?

— Татьяна Николаевна, если потребуется наша помощь, мы всегда с вами, — проговорила, набивая рот шоколадом, тихая подхалимка Жанна Сенина, «шестерка», прихвостень Перепелкиной. — Даже чего не было, все равно скажем.

— Конечно, скажи, Валь, — подтвердила Тамара, обращаясь к авторитетной Турусовой, прекрасно понимая, что «класснуха» пригласила их к себе домой неспроста, что она еще не все сказала и что уголовное дело, о котором она заикнулась, возможно, и не имеет никакого отношения к снимкам, хотя наверняка связано с убийством Льдова. Иначе как объяснить этот дорогостоящий шоколад и блеск в глазах Ларчиковой, которая пока еще не созрела для более подробных разъяснений, но вот-вот разразится новыми признаками. Она явно собирается подкупить свидетелей, вот только свидетелей ЧЕГО, какого факта или события, способного оправдать ее проступки?

Тамара Перепелкина искуснее всех в классе красила ресницы, накладывала макияж и, как ни странно, лучше других разбиралась в людях. Нашупать тонкие струны души с тем, чтобы сыграть потом на них похоронный марш чужим амбициям, было ее излюбленным занятием, доставляющим ей неслыханное удовольствие и придающим ее сущности приятную тяжесть растущего уже не по дням ЕЕ авторитета. Понимая, что в интеллектуальном плане ей не догнать Валечку Турусову, Тамара зато знала, что может дать ей сто очков вперед по части внешности и сексуального опыта, который только за последний год обогатился двумя значительными и продолжительными связями со взрослыми мужчинами. Ведь, в отличие от Томи, Валя вела довольно вялую интимную жизнь, ограниченную редкими встречами с каким-то нищим художником, мнившим себя, конечно же, гением.

— Девочки, я пока не могу вам сказать, что именно надо будет говорить на суде (если он вообще будет!), но мне бы хотелось предварительно заручиться вашей поддержкой. Я же, со своей стороны, обещаю вам молчание другого рода... — Теперь учительница смотрела на притихших девочек совершенно другим взглядом, не любопытствующим, а испытующим и довольно жестким, как смотрит человек, наделенный вполне определенной властью и готовый в любую минуту воспользоваться ею в своих целях. Ларчикова ждала реакции на произнесенные ею слова, и эта реакция незамедлительно последовала: Тамара Перепелкина густо покраснела, первой догадавшись, о чем идет речь, чем можно шантажировать уже их самих. Ясное дело, Ларчикова, эта опасная во многих отношениях стерва, которая, наверное, по воле дьявола оказалась в детском учреждении, имела в виду Иоффе, бывшего школьного сторожа, вот уже целый год живущего в деревне у сына и сдающего свою городскую квартиру тете Вале, школьной уборщице. Большая любительница выпить, Валентина за бутылку предоставляла эту квартиру всем кому ни попадя (в том числе и покойному Льдову и его одноклассникам и одноклассницам, о чем прекрасно знала Ларчикова) и, что самое ценное, никогда ничего не помнила: кому отдавала ключи и кто и как с ней расплачивался. Это была законченная алкоголичка, потерявшая в этой жизни все, начиная от семьи и кончая комнатой в коммуналке, которую практически отвоевали у нее соседи. В то время, когда в квартире Иоффе развлекалась молодежь, тетя Валя спала в школе, в каморке, расположенной за гардеробом.

Директор школы Галина Васильевна, которая, разумеется, ни о чем не догадывалась, терпела Валентину единственно из жалости и, несмотря на пьянство последней, за ее сносную работу: никто из остальных уборщиц так не справлялся с мытьем длинных коридоров и огромных классов, как это делала она. Те пятьдесят рублей, которые Валентина исправно платила старику Иоффе, окупались в несколько раз, и только оставалось непонятным, зачем же

было самому Иоффе сдавать квартиру за столь мизерную сумму, да еще и такому ненадежному человеку, как Валентина, вместо того чтобы иметь с квартиры рублей пятьсот, а то и больше. Как бы то ни было, но маленький бизнес тети Вали процветал и приносил конкретные плоды — квартирка Иоффе, расположенная рядом со школой, на Васильевской улице, оказалась идеальным местом для встреч жадной до сомнительных удовольствий молодой поросли.

— О чем вы? — все же спросила Перепелкина.

— Я знаю, кто, где и когда расправился с той ин-тернатской девочкой, которую нашли в посадках.

В комнате сразу наступила неприятная тишина.

* * *

— Значит, говоришь, брызги крови? — Шубин откинулся на спинку стула и тяжело вздохнул. Они только что закончили обедать и теперь, скучные и сонные, сидели с Земцовой за столиком ресторана «Клест», чувствуя тяжесть не только в душе, но и в желудке.

— Слушай, а почему ты пригласил меня именно в «Клест»? Потому что и Щукина с Крымовым здесь тоже обедают? Игорек, что, в городе мало ресторанов?

— Не знаю... Название нравится. Кроме того, мне бы хотелось таким образом избавить тебя от комплексов, связанных как раз с Крымовым и Ломовым. Мне бы хотелось, чтобы ничто и никогда не напоминало тебе о тех горьких минутах, которые тебе пришлось пережить из-за этих негодяев...

— А ты уверен, что мне по-прежнему нужна твоя опека? Ломов... Да я уже давно забыла о нем. А что касается Крымова, то ты же сам все прекрасно понимаешь — он каждый день перед глазами, и Щукина тоже... У меня все отболело, и давай вообще сменим тему, сколько можно...

Принесли кофе.

— Ты сама пойдешь к этой Белотеловой? — спросил Игорь после большой паузы, которая понадобилась ему для того, чтобы перевести дух после всего услышанного. «А ты уверен, что мне по-прежнему нужна

твоя опека?..» Неужели это все, что он заслужил? Он переживал одну из самых неприятных минут.

— Если хочешь, пойдем вместе, — уже более примирительным тоном ответила Юля. — Хотя я более чем уверена, что у этой Ларисы проблемы с головой. Ну посуди сам — брызги крови на зеркале, какие-то чужие чулки, нижнее белье... Если вдруг мне действительно это дело покажется интересным, то нужно будет начинать с агента по недвижимости, да и то только после того, как я выясню в регистрационной палате, действительно ли квартира была куплена за ту смехотворную сумму, которую Белотелова мне назвала. Я бы и сама, признаться, не отказалась от подобной квартиры.

— А где тряпки, которые она тебе принесла в качестве вещественных доказательств?

— Чулки? У меня. Но не думаешь же ты, что я отдам их на экспертизу?..

— И все-таки — может, я пойду ТУДА с тобой?

— Да брось ты, Игорь...

— Тогда оставь ее адрес.

— Игорь! Я же не собираюсь устраивать у нее на квартире засаду!

Однако адрес она на всякий случай продиктовала, после чего, изнывая теперь уже от чрезмерной сытости и какой-то необъяснимой тоски, заныла:

— Все, мне пора. Допивай свой кофе, и пойдем отсюда, а то я сейчас еще, чего доброго, закажу пирожное с кремом или вообще усну... Обстановка уж больно располагает...

В ресторане действительно было тихо, спокойно и уютно от горящих на каждом столике желтых светильников. Посетителей в этот дневной час мало, за стойкой скучал молодой бармен, меланхолично протирающий и без того чистый и сухой стакан тонкого стекла. Да, чуть больше двух лет тому назад на фоне этих же декораций она пыталась мечтать о замужестве, о возможной семейной жизни с могучим горбуном, министром экономики области Ломовым, который оказался убийцей и извращенцем, сгубившим столько невинных жизней... И где же тогда были ее

глаза? Куда подевалась интуиция да и инстинкт самосохранения? Так вляпаться!

Шубин предложил подвезти ее к Белотеловой на своей машине, но Юля отказалась. Ей хотелось пройтись пешком, прогуляться по солнечной весенней улице, благо что речной вокзал находился всего в двух кварталах от ресторана. И он поверил ей, не обратив внимания на то, что Белотелову имеет смысл навесить поздним вечером, если не ночью, и уж никак не ярким шумным днем. Игорь уехал, а Юля, которой не терпелось остаться одной, почувствовала облегчение. И хотя ей было стыдно за свои мысли и отношение к Шубину, поскольку он ни в коей мере не был виноват в ее хандре, а даже наоборот — пытался всячески помочь ей преодолеть подобное настроение, факт оставался фактом: оставшись одна, Юля словно ожила и даже прибавила шагу...

Адрес Ларисы она запомнила наизусть и несколько не удивилась, когда спустя несколько минут увидела перед собой утопающий в зелени дом с округлыми балконами, башенками и вытянутыми готическими окнами. Да, приблизительно этот дом она и представляла, когда слушала Ларису. Но двести пятьдесят тысяч?! Какая же причина могла заставить прежнего владельца продать квартиру так дешево? Даже в случае, если он кому-то задолжал крупную сумму или ему срочно понадобились деньги для того, чтобы куда-нибудь уехать, он мог запросто продать квартиру в этом доме за миллион...

Юля, задрав голову, любовалась домом. Еще довольно новый, ухоженный, поражающий множеством дорогих, похожих на космические спутники антенн, дом этот, конечно, не мог не раздражать простых горожан, да и жильцы здесь были наверняка не простые — кто-нибудь из администрации города или области.

Дом был окружен черным ажурным забором, через который хорошо просматривался двор с цветочными клумбами, детской песочницей и восемью гаражами, также украшенными башенками. Ей показалось, что они больше похожи на бойницы, в которых

можно на случай непредвиденных политических волнений установить даже пулеметы. Она так хорошо себе это представила, что испугалась, когда рядом с собой вдруг услышала мужской голос, и вздрогнула, как если бы прогремел выстрел...

Юля резко повернула голову и встретилась взглядом с миниатюрной стильной девицей во всем черном и с конским, черного же цвета, высоким хвостом, придающим ей некую несерьезность и экстравагантность.

— Вы что-то сказали? — спросила ее Юля.

— Да, — прозвучал тот же мужской голос, который, как ни странно, принадлежал этой девице. — Я спросила, не найдется ли у вас зажигалки, а то моя приказала долго жить.

— Я не курю.

— Вы так рассматриваете дом, словно видите его первый раз, — насмешливо проговорила девица, двигая намазанными жирной оранжевой помадой губами и продолжая внимательно рассматривать Земцову. — Приезжая, что ли?

— Красивый дом, да вот жаль только, что в нем живут другие... — Юля решила поиграть немного в дурочку. — Я всегда говорила мужу, что проще да и дешевле покупать уже готовые квартиры, а не строить, но разве мужчин переубедишь?

— Что верно, то верно. Но даже если бы ваш муж согласился купить готовую квартиру, то ему следовало бы это сделать чуть пораньше... Представьте, месяц тому назад у меня сорвалась такая сделка! Один человек продавал квартиру в этом доме, да так дешево, вы себе даже представить не можете. Но я опоздала ровно на полдня — меня опередил мой коллега из другой риэлтерской фирмы. Я слышала, что квартира ушла за четверть цены.

Юля посмотрела на нее с недоверием — ей показалось, что девица НЕНАСТОЯЩАЯ, что это Белотелова ее наняла, чтобы придать своему рассказу правдивость: вот, мол, все знают, как дешево стоила эта квартира, на это нельзя не обратить внимания... Разве такое бывает: пару часов назад прозвучал рассказ о

квартире и об агенте по продаже недвижимости, и вот она — явилась не запылилась, — риэлтерша с хвостом, и говорит ведь наверняка именно о квартире Белотеловой.

— Квартира номер два? — спросила Юля на всякий случай.

— Да, а откуда вы знаете?

— От верблюда... — Юля вздохнула и, развернувшись на каблуках, решила пойти в сторону краеведческого музея, чтобы забыть на время Белотелову и эту хвостатую назойливую девицу. «Вот тебе и хандра, я ведь готова броситься на первого попавшегося человека только потому, что мне плохо...»

Она шла довольно быстрым шагом и не оборачивалась, опасаясь того, что девица увяжется за нею и ответит грубостью на грубость, но шагов позади себя Юля не слышала, а потому все же обернулась — улица была пуста.

«Чертовщина какая-то...»

За квартал от Абрамовской ее догнал на черной старой «Волге» новый знакомый, Зверев. Он пригласил ее сесть в машину и, когда она отказалась, поехал вдоль тротуара, молча сопровождая ее вплоть до самых дверей агентства.

— Послушайте, господин Зверев, это моя работа — следить за людьми, а вы должны выращивать ромашки, сдувать пыль с компьютеров и посыпать себе голову золотом... Не видите разве, что я не очень-то хочу общаться с вами?

Она говорила и словно сама не узнавала себя — откуда вдруг эта беспричинная жестокость и равнодушие?

— Вижу, но еще вижу, что у вас очень грустные глаза и что вы сильно раздражены. Если это вызвано моим присутствием, то я, конечно, уеду...

Она остановилась, перед тем как взойти на крыльцо, и, прикрыв ладонью глаза от солнца, некоторое время рассматривала сидящего в машине мужчину. Темные густые волосы, серые глаза, на которые она обратила внимание еще при первой встрече и которые сейчас почему-то приобрели зеленоватый оттенок,

бледные впалые щеки и тонкие пальцы, сжимающие руль.

— Дело не в вас. Просто у меня много работы.

— Я могу вам сегодня позвонить?

— Позвонить? Куда?

— Домой, разумеется...

— У вас и телефон мой есть?

Он ничего не ответил.

— Не знаю... Позвоните, конечно, может, у меня будет настроение получше и я не покажусь вам такой букой... — Она заставила себя улыбнуться. Сейчас она войдет в агентство и увидит сияющую Щукину, которая станет демонстративно опекать своего жениха Крымова и постоянно вертеться в его кабинете, лишая всех возможности нормально работать.

— Постойте! — Юля вдруг резко повернулась и почти подбежала к начавшему уже отъезжать Звереву. — Постойте...

Она склонилась к окну и, не понимая, что с ней происходит, вдруг сказала:

— Считайте, что вы позвонили мне еще вчера вечером и я согласилась встретиться с вами... Я прошу вас только не задавать мне пока никаких вопросов. Пожалуйста... Мы просто немного покатаемся по городу, и все. А я за это время, быть может, приму какое-нибудь решение... Понимаете меня? Очень важное для меня решение.

Через минуту они уже мчались в сторону речного вокзала, и Юля, стараясь заглушить в себе боль при воспоминании о Крымове, плела что-то своему новому знакомому об огромном желании во что бы то ни стало купить квартиру в том самом доме, перед которым она еще совсем недавно стояла раскрыв рот...

* * *

— Ну что, приходил кто-нибудь от Льдова? — спросил по телефону Корнилов Крымова. — Ты чего молчишь, не слышишь меня, что ли?

— Слышу. Я только никак не могу понять, откуда ты знаешь, что к нам кто-то должен прийти, ведь

обычно милицию не ставят в известность о том, что из недоверия к ее работе намерены обратиться в частное детективное агентство... — На этот раз Крымов не шутил и был, как никогда, серьезен. — Приходили, конечно. Точнее, приходила его мать, довольно молодая женщина; ты, наверное, видел ее на похоронах?

— Да, я подходил к могиле и, честно говоря, боялся, что стану свидетелем истерики... Но, представь себе, ничего такого не было. Матери Льдова и Голубевой были на удивление выдержанными, плакали, конечно, но не так, как это делают простые женщины — с криками и потерей сознания... Возможно, они еще просто не осознали, что произошло, во всяком случае, про Голубеву я сказал бы именно так... Кстати, вот уж кто-кто, а она-то точно к вам не обратится...

— А с чем ей обращаться, если девочка сама все решила?.. — осторожно, чтобы не показаться циничным, пробормотал Крымов, все еще находящийся под впечатлением визита Вероники Льдовой.

— Дело в том, что лично я не верю в отсутствие предсмертной записки. Дети в подобном возрасте склонны к театральным жестам, для них важным является впечатление, которое они произведут своим поступком, тем более таким трагическим. И лично я просто уверен, что девочка оставила записку, причем скорее всего связанную с именем какого-нибудь мальчика...

— Откуда у тебя такая уверенность?

— Я вчера весь вечер провел у Малышевой, инспектора по делам несовершеннолетних, и начитался там такого, что не приведи господь... Я слышал, конечно, что сейчас среди подростков прямо-таки эпидемия суицида, но чтобы в таком количестве...

— Да брось ты, Виктор, какая еще эпидемия?!

— Согласен, не всегда это заканчивается смертью, но попыток-то, попыток сколько! Мне повезло, к Малышевой пришла девушка-психолог; когда она узнала, кто я и с чем туда явился, она достала свою папку и показала мне цифры... Нет, ты можешь мне верить, можешь не верить, но в наше время столько не травилось и вены себе не резало... Да я вообще не могу

припомнить, чтобы в нашей школе или во дворе кто-то из моих ровесников пытался покончить с собой. Я понимаю, конечно, время было другое, и все такое прочее, можно еще объяснить как-то курение и даже вино, но только не добровольный уход из жизни. Это как же нужно отчаяться, чтобы решиться выброситься из окна или проглотить ртуть, к примеру... Мы вот тут ловим взрослых преступников, сволочей, для которых лишить человека жизни — все равно что прихлопнуть муху, а вокруг, оказывается, столько несчастных детей... Буквально три дня тому назад, в понедельник, на кладбище повесился тринадцатилетний мальчик. Накинул на шею петлю, обвязал концом веревки могильный крест, первый попавшийся, заметь, и присел так тихонько на колени... Ты понимаешь, о чем это говорит? То есть он же мог встать, это же не выбитая из-под ног хрестоматийная табуретка, но не встал, а предпочел уйти из жизни.

— А причина?

— Несчастливая любовь. У него в кармане и записку нашли: мол, из-за такой-то все... И фамилия девочки, тоже, кстати, одноклассницы...

— А почему ТОЖЕ? Ты хочешь сказать, что Голубева отравилась из-за одноклассника? Откуда эти сведения?

— Ниоткуда. Это мое предположение, да еще стечение обстоятельств. Все-таки они погибли в одно и то же утро. Я, между прочим, даже могу предположить УБИЙСТВО Голубевой... У меня к тебе просьба: постарайся, когда будешь заниматься Льдовым, узнать как можно больше о Голубевой. Чую сердцем, что-то здесь не так... И мать ее слишком уж спокойна...

— Мог бы и не предупреждать. Больше того, я и сам думал о том, что эти две смерти могут быть связаны. И про записку Голубевой я тоже думал, она наверняка существует. Но тогда давай договоримся, что ты будешь держать меня в курсе голубевского дела...

— Да какое там дело! Родители словно воды в рот набрали... Похоже, они восприняли смерть дочери

как данность и не собираются заниматься разбирательством и поиском виновного или виновных... А ведь та девушка-психолог познакомила меня вчера с еще одной историей, и она потрясла меня не меньше этих двух, хотя и не закончилась смертью... Но об этом я расскажу тебе при встрече или даже после того, как сам поговорю с девочкой, с которой все это и произошло... Ну да ладно, Женя, работай, надеюсь, что общими усилиями нам удастся найти убийцу Льдова... Ты не знаешь, кстати, кто производил его вскрытие — Чайкин или Тришкин?

— Я могу спросить у Нади.

— Надя... Понятно. Когда на свадьбу-то пригласишь?

— Мы запланировали через месяц, так что готовьтесь там с Сазоновым...

Крымов положил трубку, когда в кабинете, словно из воздуха, возникла Щукина. Улыбаясь, она подошла к нему и ласково потрепала ладонями по щекам; она вела себя так, словно заранее знала, что ей здесь и с этим мужчиной позволено все. Она, казалось, упивалась своей властью над ним, и Крымов, еще не привыкший к такому фамильярно-собственническому отношению, замешенному на желании невесты во что бы то ни стало удивить, потрясти его, стерпел и это. Больше того, он поймал себя на том, что такое грубоватое поведение Нади ему даже нравится, оно возбуждает его. Крымов не узнавал самого себя.

— С кем ты говорил?

— С Корниловым. Ты не знаешь, кто вскрывал Льдова?

— Я все знаю. Кроме того, могу тебя порадовать — кажется, мой бывший муженек завел себе женщину... — Она искренне радовалась, поскольку Чайкин, который тяжело переживал их разрыв, должен был (по прогнозам близких друзей) снова запить. Но не запил, а напротив — решил начать новую жизнь. — А ты все сохнешь по Земцовой? — ни с того ни с сего вдруг спросила она, и Крымов уловил в ее голосе злые и обидные для обоих нотки.

— Сохну, ты же знаешь, — ответил он ей в тон и,

поймав ее руку, больно прикусил ее, отчего Надя вскрикнула. — Больно?

— Хорошо, — уже более миролюбиво прошептала она, целуя его, — я больше не буду. Мир?

— Мир. Как тебе показалась Льдова?

— Красивая, но жутко несчастная женщина. Ведь Вадим был, кажется, ее единственным сыном?

Крымов вспомнил свое первое впечатление от Вероники Льдовой: изящная шатенка в синем облегающем костюме, подчеркивающим стройную фигуру, бледное узкое лицо, огромные карие глаза и почти белые губы. Ей от силы тридцать пять лет, а выглядит и того моложе. Она говорила с Крымовым просто, с неизменно спокойным выражением лица, как говорят люди, понимающие, что дело все равно безнадежно, но попытка — не пытка... Она достала деньги, выгрузила толстые пачки денег на стол и уложилась всего в несколько фраз, попросив найти убийцу ее единственного сына, Вадима. Неторопливыми и неслучайными движениями придвинула к себе предложенные Крымовым лист бумаги и ручку и записала свои координаты, список фамилий тех, с кем был дружен или недружен Вадим, а также возможные причины его убийства, первой из которых была ЗАВИСТЬ.

— А чему завидовали его сверстники? — спросил ее Крымов.

— Да всему. — Она равнодушно махнула рукой. — Абсолютно всему. Начиная с его внешности, ведь он развивался куда быстрее остальных, вон как вымахал за последние три года, превратился в настоящего мужчину. Девочкам нравился, они прямо-таки вешались ему на шею.

— А кто конкретно?

— Понятия не имею. Меня это никогда не интересовало. Нас с мужем волновала его учеба и возможность в дальнейшем переводе его в гуманитарный лицей, где работает моя тетка. Мы так и планировали... Уверена, что, когда вы начнете работать, встречаться с его друзьями-приятелями и учителями, вам непременно начнут говорить о нем гадости.

Постарайтесь абстрагироваться от этого и просто ищите убийцу. А причина всплывет сама собой. Не думаю, что она денежного характера...

Именно эта фраза показалаась Крымову странной, ведь среди причин, которые она указала, действительно было много чего — за исключением денег. Ревность, зависть, личная неприязнь, месть...

— А почему вы думаете, что она, как вы говорите, не денежного характера?

— Да потому, что эта причина была бы производной от зависти, поскольку у Вадима было все, что он хотел, и вдобавок — несчитанные карманные деньги, которые и могли вызвать эту зависть. Вадим никогда бы никого не шантажировал, не вымогал денег, потому что их у него было достаточно. Вы не смотрите, что я принесла вам сегодня так мало, дело в том, что у нас много наличных ушло на похороны, а остальное все вложено в фирму, муж у меня занимается компьютерами... Если потребуется, мы заплатим вам еще...

Она почти не смотрела на него, взгляд ее был рассеянным и скользил так, словно суть разговора была ей не особенно интересна. Крымов подумал, что она приняла какой-то наркотик. А почему бы и нет?

— Крымов, проснись. — Шукина теребила теперь его за уши, отчего они становились ярко-красными. — Ты о чем-то задумался?

— А ты не знаешь, что это за мужик приходил к Земцовой? Какое-нибудь новое дело? Но если так, почему я не в курсе?.. — Он спросил это скорее по инерции, чем для того, чтобы позлить ревнивую Шукину. С ним это иногда бывало: он обращался к ней, как к прежней Шукиной, своей секретарше, нисколько не задумываясь о последствиях, связанных с их нынешними отношениями.

Но на этот раз даже Шукина не сообразила, что Крымову были интересны, конечно, не деньги, которые он мог бы получить от нового клиента, а сам факт появления в агентстве незнакомого мужчины, который пришел именно к Земцовой. Ведь Юля любит его, Крымова, это аксиома, тогда в чем же дело? Он так

ясно вдруг это осознал, что нашел в себе смелость подивиться собственному эгоизму.

— Игорь сказал, что этот мужчина собирается поручить нам проследить за его молодой женой...

Слово «молодой» сорвалось с языка Шукиной случайно, скорее всего потому, что обычно следят именно за молодыми женами. Но именно это слово и успокоило начавшего уже волноваться Крымова: клиент женат, и это прекрасно.

— Кофейку? — попыталась угадать сиюминутное желание Крымова Надя и даже соорудила лисью ухмылочку, чтобы только доставить ему удовольствие. Что и говорить, она любила и умела угождать, пожалуй, только ему, Крымову... Жаль только, что Земцова этого сейчас не видит.

Глава 3

Оля Драницына вышла из двери соседней квартиры и, стараясь не шуметь, быстро открыла свою дверь и проскользнула в нее. Дома, на ее счастье, никого не оказалось. Мама снова отправилась на биржу...

В потной ладонке была зажата фиолетовая купюра... Она не знала, почему так происходит, но при виде этих денег мир вокруг нее сразу преобразался и хотелось чего-то невероятного, неиспытанного, недозволенного, безумного...

Запершись в своей крохотной спальне, она только здесь могла разжать руку и насладиться сполна видом обретенного сокровища. Пятьсот рублей — да Тараскиной в жизни не заработать таких денег, она же глупая, эта Тараскина, и ничего в жизни не понимает. Ходит, дура, по школе, звенит сомнительного происхождения цепями, гремит костями, скелетина, сверкая черной искусственной кожей своего прикида, и думает, что круче всех. В половине шестого утра она, как идиотка, вместо того чтобы сладко спать, садится перед зеркалом, красит ресницы, делает подводку на веках, накладывает в два слоя пудру (жид-

кую и рассыпчатую), затем поверх этой штукатурки — румяна, а уж потом помаду... Мрак! И зачем все это, если мужчинам нравится естественный розоватый цвет свежих щечек, нежная припухлость губ и век и сами ненакрашенные губы, которые можно целовать и целовать, не боясь испачкаться в помаде, забывая обо всем на свете, как это делает дядя Миша...

Оля встала перед зеркалом во весь рост и начала придирчиво осматривать себя. Тугие голубоватые джинсы плотно облегли стройные бедра, белая трикотажная кофточка с глубоким вырезом подчеркивала мягкие округлости груди и открывала высокую тоненькую шею. Длинные, почти по пояс, золотистые от иранской хны волосы обрамляли улыбающееся личико с безукоризненными зубами, белеющими между розовыми губами...

Она вдруг вспомнила, что не почистила зубы, и помчалась в ванную комнату. Прополоскав рот после пасты, Оля вернулась к себе и позвонила Тараскиной:

— Привет, Ленок, как дела? В школу-то собираешься?

— Собираюсь. У меня только что Томка Перепелкина была, такие вещи про Ларчикову рассказала. Прикинь, на нее собираются завести уголовное дело, но только она еще не говорит, с чем конкретно это связано. Кормила их шоколадными конфетами, хотела умаслить, чтобы добиться у них поддержки на суде, она так и сказала, а потом, прикинь, припомнила ту девку из интерната, помнишь, с которой мы разбирались в посадках, а пацаны наши потом... сама знаешь, что с ней сделали! Она говорит, что сама лично все видела, потому что ей кто-то позвонил и предупредил о предстоящей разборке...

— Ничего себе... — Оля прикусила губу и поморщилась: дядя Миша, похоже, перестарался, и теперь на губе образовалась небольшая ссадина, которая к тому же еще кровоточила. — Ш-ш-с...

— Ты чего шипишь?

— Да так, ничего, возмущаюсь Ларчиковой. Разве она не понимает, что ее могут привлечь уже только за то, что она все видела и ничего не предприняла? Ведь

ей придется доказывать, что в посадках она оказалась случайно, и это в девять вечера?! Смех! По-моему, у этой Ларчиковой не все дома.

— Про снимки спрашивала, не видели ли они их...

— Ну и что?

— А кто их не видел-то? Вся школа! Я, конечно, не знаю, зачем Вадим подстроил ей эту подлянку, но ведь теперь, если только тот дядечка из прокуратуры пронюхает про снимки, все подозрение ляжет на нее...

— Месть вроде, да? Но не думаешь же ты, что Ларчикова сама зарубила Вадьку топором? Я лично не верю. И вообще, мне кажется, что это связано с теми парнями, которые угоняли их машину, помнишь, он рассказывал?

— Да у его отца этих машин — целый автопарк, не думаю, чтобы из-за того, что пацаны взяли льдовскую машину покататься, Вадька стал бы их шантажировать.

— Не знаешь ты Вадьку, Леночка, он мог, он все мог. В общем, так, я в школу не пойду, скажу завтра, что у меня живот болел; если хочешь, поехали со мной в город.

Лена молчала — думала.

— У тебя бабки есть? — наконец спросила она, потому что у нее самой, судя по всему, в кармане от силы трешник, а сорваться с уроков ой как хочется.

— Есть, конечно, есть. Даю тебе минут пять на раздумье, потом позвонишь мне и скажешь, а я пока буду переодеваться.

— Ты что, была у ЭТОГО своего?

Оля усмехнулась: Лена поверила в легенду, будто бы иногда по утрам Оля навещает своего крестного, живущего в соседнем доме пенсионера, у которого моет посуду и подметает, за что получает иногда десять-пятнадцать рублей. Вот и сейчас Ленка, наверно, подумала об этом же.

— У этого, у этого. Ты давай думай скорее...

Ей доставлял удовольствие этот разговор и это распределение силы, которое только сейчас, когда их никто не видел, было естественным. А ведь все в школе уверены в том, что Оля Драницына — «шес-

терка» Ленки Тараскиной. Да так оно и было в начале их отношений, когда Лена взяла на себя роль защитницы или ЗАЩИТНИКА, то есть МУЖЧИНЫ. Да, они почти целый год играли в мужа и жену, и «муж» нередко избивал свою «жену», но не до крови. Им нравилось играть в сильную и слабую, они получали удовольствие от откровенных прикосновений, от изучения тела друг друга и всего того, что происходило с ними или между ними в моменты наивысшей степени возбуждения... Они развлекались этой игрой, пока Оля была девственницей, и только совсем недавно, когда в жизни Оли появился дядя Миша, все изменилось. Они, конечно, не поменялись ролями, поскольку в этом уже не было никакой необходимости, ведь игра-то закончилась, но отношения их сильно изменились. Они стали на равных, и теперь причинение боли уже не приносило им наслаждения. Кроме того, теперь, когда у Оли стали появляться деньги, Лена и сама не могла относиться к ней по-прежнему. Возможно, они были бы и рады расстаться, но не могли — слишком долго они были вместе, чтобы вот так сразу продемонстрировать всем свое расставание. Ни Оле, ни тем более Лене вообще не хотелось привлекать внимание класса, а потому они договорились вести себя как прежде. А там — видно будет.

— Я уже все придумала. Встретимся на остановке через полчаса, идет? — Последние слова Лена произнесла уже шепотом, наверное, рядом были родители. Послышались гудки. Оля, положив трубку, снова перевела взгляд на стол, на котором все еще лежали деньги.

Сейчас они поедут в пиццерию, затем в кондитерскую, потом в торговый центр, а уж оттуда позвонят Кравцову и скажут, что согласны прийти «к Иоффе» в восемь и что даже привезут с собой пива и чипсов.

* * *

— По-дурачки все получилось у нас с вами, сама не пойму, зачем я согласилась сесть к вам в машину... Ведь мы же совершенно незнакомы, и вообще непонятно, что со мной происходит...

Зверев и Земцова уже почти час сидели в машине неподалеку от дома, в котором жила Белотелова, и беседовали о разных пустяках, не имеющих никакого отношения ни к его интересу к Юле и ее работе, ни даже к тому факту, что она попросила остановить машину именно возле этого дома. Говорили о собаках, деревьях, цветах, золоте (само собой) и курсе доллара, то есть — ни о чем. Улица, залитая янтарным прозрачным светом, наполнилась гуляющими, звенел женский смех, шелестела от редких порывов теплого ветерка листва молодых тополей и каштанов, высаженных, должно быть, одновременно с окончанием строительства этого, как выразилась Юля, «волшебного дома для небожителей».

— Значит, я тоже небожитель? — вдруг спросил Зверев, и Юля с удивлением посмотрела на него, впервые, быть может, заглянув прямо в глаза, и держала этот взгляд достаточно долго, столько, сколько ей понадобилось для того, чтобы осмыслить услышанное и примерить к ситуации, в которую она сама себя, собственно, и загнала, согласившись сесть в эту машину.

— Вы что, тоже живете в этом доме?

— Да, представьте себе. Поэтому я был несколько удивлен, когда вы попросили меня свернуть на эту улицу и притормозить возле ворот. Я так и думал, что вы все знаете...

— А что я, собственно, должна знать? — Юля густо покраснела. Хотя и так было ясно, что она позволила этому и без того самоуверенному типу подумать о ней плохо: мол, сама залетела в силки, по своей воле, и вдобавок зная, где эти самые силки расставлены. Но отрицать сейчас что-либо или тем более доказывать свою неосведомленность было бы еще глупее, чем просто промолчать. Поэтому она отвернулась к окну и принялась разглядывать литые ажурные прутья ограждения.

— Я купил квартиру в этом доме буквально с месяц тому назад и, признаться, очень доволен этим, тем более...

— ... что она досталась вам дешево, ведь так? —

почему-то зло и раздраженно закончила за него фразу Земцова. — Всего за каких-то там двести пятьдесят тысяч рублей?

— Да вы что... — расхохотался Зверев, причем так искренне, что успел своим непосредственным и каким-то детским смехом заразить и Юлю. Но она сдержала себя, хотя и смутилась: что он может подумать? Почему она назвала именно эту сумму? И зачем ей было вообще подтрунивать над ним? Из зависти?

Посчитав, что она уже больше часа (если вообще не все свои двадцать восемь лет) ведет себя как идиотка, Юля приняла решение молчать. Можно было бы и вовсе выйти из машины и распрощаться с этим Зверевым навсегда, но что-то удерживало ее. От этого человека исходило какое-то необъяснимое тепло и покой, больше того, он как будто бы делился с сидящей возле него Юлей своей уверенностью в себе, своей внутренней силой. Это было очень странное чувство, объяснения которому она пока не находила. Нравился ли ей Зверев как мужчина? Пожалуй, хотя по сравнению с Крымовым и Шубиным, с которыми она так сблизилась, Зверев все же был для нее ЧУЖИМ. Она не знала, что он скажет в следующую минуту, как посмотрит на нее, как повернет голову... Он был ПОКА для нее словно чужая территория, чужой континент, который ей предстояло либо осваивать, либо покидать как можно скорее...

Юля улыбнулась этому образному сравнению.

— Знаете, так и быть, я вам скажу, почему я попросила вас остановиться именно здесь. У меня в этом доме живет клиентка, которая ждет меня. О точном времени встречи мы не договаривались, поэтому, прежде чем я поднимусь к ней, мне придется ей позвонить... Ну а раз мы затеяли разговор о стоимости вашей квартиры, то мне чисто профессионально было интересно узнать, сколько же вы за нее отдали. Будьте уверены, я никому ничего не скажу, но эта информация может мне пригодиться в ведении моего дела...

Юля так спокойно говорила об этом, насколько не заботясь о соблюдении тайны, не потому, что не понимала, что совершает тем самым почти преступле-

ние по отношению к доверившейся ей клиентке, а исключительно из убеждения, что Белотелова — чуточку сумасшедшая женщина, слова которой не стоит воспринимать всерьез и гонорар которой все равно придется возвращать. Да и находится она сейчас здесь просто для очистки совести. Какие еще кровавые брызги на зеркалах? Что за бред?! Хотя именно об этом Юля бы, разумеется, никому не стала рассказывать.

— Полтора миллиона, никакой тайны... для вас, разумеется... Но я считаю, что это дешево, потому что моя квартира потянет на все два. Да что говорить, когда вы можете сами пройти туда и посмотреть, я приглашаю...

— Прямо сейчас?

— А что такого? Тем более что у вас профессиональный, как вы сами только что сказали, интерес. У меня есть отличное вино, кофе... Я не стану набрасываться на вас — в этом будьте уверены. Хотя, не будь у меня внутренних тормозов, вошел бы в вас прямо сейчас и остался там навсегда...

Юля не помнила, как очутилась на тротуаре — возмущенная, с малиновыми щеками и почему-то подгибающимися коленками... Ничего себе поговорили! Да это не Зверев, а настоящий зверь!

Пошатываясь, она подошла к воротам, которые, на ее счастье, были открыты. Это означало, что она может пройти на территорию дома (охрана, очевидно, существовала, но в каком-то невидимом месте). Непослушными руками Юля достала из сумочки телефон и набрала номер Белотеловой:

— Лариса? Это Юлия Земцова, я сейчас стою у ваших ворот. Скажите, на меня не набросятся цепные псы или охранники с дубинками?

— Ой, как хорошо, что вы пришли! — взволнованным голосом проворковала Лариса на другом конце провода. — Не могу сказать, что у меня появились новые доказательства полтергейста или, я не знаю, как все это можно назвать, но то, что меня просто-таки колотит от страха, — это точно... Проходите смело в подъезд, увидите узкую лестницу, ведущую

вверх, прямо ко мне. Дело в том, что здесь у нас всего две квартиры, так что — не ошибетесь. Ой, да я вас вижу, поднимите голову, и вы тоже увидите меня...

«Идиотка», — снова подумала про нее Юля и слабо помахала ей в ответ: она действительно увидела светлую фигурку в окне дома на втором этаже.

— Уже уходите? — услышала она голос прямо над ухом и испуганно шарахнулась в сторону.

Рядом стоял Зверев с виноватым лицом; он заметно посерьезнел, а глаза глядели прямо-таки жалобно.

— Вы обиделись на меня... Я понимаю. Простите песика и почешите его за ушами... — Он склонил голову, словно ожидая, когда она и в самом деле почешет его...

— Знаете что, я сама виновата... спровоцировала... У меня нет ни малейшего желания ссориться с вами, тем более...

— ... тем более что мы и подружиться-то еще не успели. Так вы теперь не зайдете ко мне?

И тут они услышали крик, душераздирающий женский крик. Он доносился как раз со стороны подъезда, в который Юле предстояло сейчас войти, чтобы подняться к Белотеловой. Зверев кинулся туда, Юля — следом.

Там, на лестничной площадке между первым и вторым этажами, лежала в расползающейся прямо на глазах луже крови женщина в черных кожаных брюках и блузке; черные волосы ее, собранные в высокий хвост, уже успели напитаться кровью, которая сочилась из раны на виске; оранжевая помада на губах несчастной смотрелась теперь так нелепо...

— Агент по недвижимости... — почти хором произнесли Юля и ее спутник и в удивлении уставились друг на друга.

— Белотелова... Лариса... — Юля бросилась наверх, предчувствуя недоброе. Ведь после такого крика Лариса могла выбежать или приоткрыть дверь, тем более что она ждала прихода Юли, и этот крик мог бы принадлежать и ей.

Единственная дверь на площадке второго этажа была распахнута, и прямо на пороге лежала Лариса с

большим кровавым пятном на белом шелковом халате.

Она была еще жива, когда Юля, приподняв ее голову, приложила ухо к тому месту, где должно было биться сердце. Оно хоть и слабо, но билось...

Зверев между тем бросился в квартиру, пытаясь увидеть убегающего преступника; тот мог уйти только из квартиры Ларисы, поскольку через дверь подъезда никто не выбегал.

— Вызовите «Скорую» и милицию! — крикнула, продолжая поддерживать голову побледневшей Ларисы, Юля и мысленно попыталась представить себе, что же тут произошло и куда мог скрыться убийца. Слишком быстро все было сработано, слишком неожиданно...

* * *

— Игорь, надо обойти друзей-знакомых Льдова, а Надя тем временем займется результатами его вскрытия... Предстоит работа, а потому прекрати называть Земцовой, успокойся и возьми себя в руки...

Крымов отчитывал Шубина в своем кабинете, как мальчишку. Понятное дело, что он не имел права этого делать, поскольку примерно ту же самую фразу мог бы сказать и сам Шубин в отношении Крымова: тот тоже маялся из-за того, что Земцова исчезла в неизвестном направлении, никого не предупредив, и тоже, видимо, по-своему томился без нее. «Привык, наверное», — подумал Шубин, вставая со своего места, и, вместо того чтобы вмазать Крымову по его красивой физиономии, лишь хмыкнул и направился к двери, нервно сжимая в руке листок со списком ближайшего окружения Льдова. Ему ничего не стоило устроить скандал и бросить ко всем чертям и Крымова с его агентством и насмешками по поводу влюбленности Шубина в Земцову, да и саму Земцову, так жестоко поступившую с ним, отвергнув его в тот самый момент, когда он считал ее уже почти женой. Но Шубин не делал этого из чувства меры. Он считал, что даже у негативных чувств должна быть своя мера.

И даже злиться на Крымова надо тоже в меру, не унижаясь и не выказывая до конца своей боли. А что уж говорить о любви к женщине... Исчезнуть, уехать из города, чтобы обо всем забыть, — это ли не бегство от самого себя, это ли не демонстрация своей слабости? Тем более что внутреннее чувство подсказывало ему, что Юля к нему еще вернется. Просто для того, чтобы понять, что же на самом деле происходит вокруг нее и с ней, ей потребуется какое-то время. И Шубин ей это самое время дал. Как дал и Крымову, простив этот начальственный (а не дружеский) тон, с которым тот позволил себе обращаться с ним. Выдержка, в первую очередь выдержка...

С этой мыслью он миролюбиво (как если бы это происходило год-полтора назад, когда отношения между всеми в агентстве были еще не испорченными) подмигнул восседающей за столом в приемной королеве Шукиной и вышел на солнечную, золотистую улицу...

Первым в списке стоял Виктор Кравцов. Он жил возле стадиона «Динамо», на Радищевской улице, имелся у него и телефон.

— Здравствуйте, мне бы Виктора Кравцова.

— Слушаю. — Голос недовольный, с хрипотцой.

— Моя фамилия Шубин. Я занимаюсь делом об убийстве Льдова. Мне необходимо с вами встретиться. Можем у вас дома, а можем на нейтральной территории, как вам будет угодно.

Кравцов, по-видимому, не привыкший, чтобы к нему обращались на «вы», сказал, что может прямо сейчас выйти к главному входу на стадион, там есть небольшое летнее кафе, где можно спокойно поговорить. На том и порешили.

Игорь быстро нашел это кафе, сел в тени за столик под белым полотняным колокольчиком навеса и попросил обкуренную донельзя официанточку в красных туфлях-лодочках и каком-то светлом прозрачном балахончике принести ему кофе.

Он не сразу понял, что высокий, худошавый, стильно одетый молодой человек в широких клетчатых брюках, белой рубашке и бархатной жилетке и есть

тот, кого он ждал. Он предполагал увидеть перед собой долговязое, нескладное прыщавое существо в помятой и несвежей футболке с американизированной надписью на груди «Fuck you are all», в потертых серых джинсах и бейсболке — общий прикид всех подростков города. А тут вдруг кричащий дорогой жилеткой индивидуализм, подчиняющий окружающее общество клетчатými шикарными итальянскими брюками (Шубин видел такие на прошлой неделе в магазине «Патрон» и еще подивился их стоимости) и горьковатым ароматом дорогого парфюма. «Вот тебе и девятиклассник», — подумал Игорь, когда понял, что подошедший к его столику парень, уверенно представившийся Виктором Кравцовым, и есть лучший друг покойного Вадима Льдова.

— Как вы догадались, что это я? — спросил Шубин, хотя ответ знал заранее. Просто ему хотелось услышать голос парня, и уже по той интонации, с которой Кравцов сейчас скажет ему, что во всем кафе только один посетитель и кем же ему еще быть, как не Шубиным, он бы уже смог определить, в каком ключе вести беседу, как себя с ним вести: на равных или немного поиграть с Виктором в поддавки?

— А я и не догадывался, — окидывая Шубина ироничным и насмешливым взглядом, спокойно произнес Кравцов. — Просто сказал, и все. А вы откуда?

— Из частного сыскного агентства Крымова, может, слышал?

— Слышал. Вас наняли родители Вадима?

— Да. Если позволишь, я буду с тобой на «ты».

— Валяйте. Но учтите, что я буду только отвечать на вопросы, на искреннюю беседу не рассчитывайте. Я вас совсем не знаю, не верю ни вам, ни милиции, но, с другой стороны, мне чертовски хочется, чтобы убийц Вадьки нашли... Он был хорошим парнем, его в нашем классе все любили. Это он сделал из меня человека, научил жить, ходить в бассейн, носить нормальную одежду, целоваться с девчонками, решать задачки по физике и алгебре, чистить по утрам зубы, разбираться в одеколоне и играть в теннис... Он был моим лучшим другом, и лишь с ним я стал понимать,

что меня окружают не только подлецы и негодяи, но и нормальные парни...

— Вадима могли убить из-за денег?

— Не знаю, за что его могли убить, но убили... У него было много девчонок, он ходил с ними на дискотеки, отбивал у парней... Он выглядел куда старше своих лет, впрочем, как и я, и убить могли уже только за это. Что касается разборок, связанных с деньгами, то навряд ли — у Льдова была «крыша». Отцовская. Группировка Глухаря. Все об этом знали, а потому никто никогда на него не наезжал. Да и не за что было. Он жил в свое удовольствие и никого не трогал. А зависть... Она всегда была, есть и будет, сами знаете. Мне вот тоже завидуют уже за то, что у меня отец замдиректора рынка и что я дружу с Льдовым. Попытались подставить меня, подкидывали наркоту в портфель (умора!), но Вадька всегда меня вовремя предупреждал: его через своих людей информировал Глухарь. И с какой это стати за отца должен отвечать сын, тем более что мой отец в прошлом году бросил нас с матерью...

— Может, Вадима убили из-за наркотиков?

— Вы, что ли, принимаете меня за идиота? Даже если и впрямь было так, неужели вы думаете, что я вам что-нибудь расскажу?! Но наркотики — нет. У нас другие развлечения. У кого есть деньги, в городе не соскучишься. Может, вы не знаете, где сейчас тусуется молодежь? Казино «Черный Джек», кабак «Измурд», да вся набережная вечерами на ушах стоит... Травку мы, конечно, пробовали, но пусть ее курят лохи... Я не знаю, за что убили Вадьку.

— Дома у него все было нормально?

— У него мать классная, понятливая, добрая... никогда и ни в чем ему не отказывала. А отец вечно на работе, часто в отъездах, Вадим о нем почти ничего не рассказывал. Но жили они все втроем нормально, никаких скандалов, разборок...

— Значит, отец не вникал в дела Вадима? Был не в курсе его личной, так сказать, жизни?

— Нет, думаю, что Вероника ему все рассказывала...

— Вероника?

— Так зовут его мать. Она красивая, молодо вы-

глядит, поэтому мы и называли ее между собой Вероникой.

— И Вадим тоже?

— Да нет, это в основном я... Он называл ее коротко: «ма».

— Понятно. Скажи, Виктор, а в каких отношениях был Вадим с Наташей Голубевой?

— Интересный вопрос. Ни в каких. Вернее, она была в него влюблена, а он ходил с другой девчонкой. — Кравцов посмотрел на часы, и брови его удивленно взлетели вверх.

— Ты опаздываешь?

— У меня встреча с девчонкой...

— Понял... Скажи, когда ты в последний раз видел Вадима?

— За день до смерти. В школе, как обычно. У нас было много дел, надо было готовить реферат по химии, переписывать билеты по истории, учить английский, готовиться к зачету... Мы даже вечером не встречались, я позвонил ему домой, Вероника сказала, что Вадим уже спит, что ему нездоровилось, что-то с желудком, кажется, они купили несвежий торт... А утром я пришел в школу и узнал, что его нашли в классе...

— Что же это, выходит, он не спал тогда, когда ты разговаривал с Вероникой, а его просто не было дома?

— Думаю, что он вышел ночью и зачем-то пошел в школу. Такое с ним иногда случалось. Там на первом этаже, где кабинет биологии, окна совсем низко, решетка отходит, а открыть форточку ничего не стоит... Мы иногда ночью забирались туда... с девчонками, но ведь это не преступление? Где еще встречаться? Не в подъезде же. Когда предки на даче, то собирались у меня... Возьмем пивка, рыбки, сигарет, само собой...

— А Вадим был откровенен с тобой?

— Думаю, что да.

— Он рассказывал тебе о своих проблемах, неприятностях?

— Нет, ничего такого в последнее время он мне не говорил. У нас экзамены на носу, он собирался

переводиться в какой-то гуманитарный лицей, там у него, кажется, тетка...

Крымов, отправляя Шубина на встречу с Кравцовым, слегка проинструктировал его относительно того, что говорила по поводу этих встреч с окружением Вадима Вероника Льдова, а потому Шубин был готов, что непременно услышит про Вадика какую-нибудь гадость (как предупреждала Вероника). Но пока ни одного дурного слова от лучшего друга Льдова он не услышал. Может, на то он и есть лучший друг, чтобы говорить об убитом только хорошее.

— А это правда, что его зарубили топором? — Кравцов уже поднялся со стула и теперь всем своим видом выказывал желание как можно скорее уйти отсюда. Он явно спешил.

— Правда... — вздохнул Шубин, тоже поднимаясь, но потом спохватился: — Да нет же, еще ничего не известно... Просто похоже на рубленую рану, но пока это неофициальные данные. А что, у тебя есть сведения о каком-нибудь топоре?

— У нас в мастерской, где проходят уроки труда, полно и топоров, и молотков, и чего угодно, а попасть туда может любой. Надо бы пересчитать все топоры и вычислить, не исчез ли из мастерской один из них...

— Правильно, мы так и сделаем. У меня за углом машина, я могу тебя подвезти...

— Да нет, я сам.

— Виктор, а ты не должен был Льдову деньги?

И тут вдруг Кравцов покраснел, уши его, прикрытые русыми волнистыми прядками, просто запылали.

— Нет, а с чего вы взяли?

— Я тебе позвоню, — уже более жестко ответил ему Шубин и, резко развернувшись, пошел в сторону проулка, где оставил машину. Он вдруг понял, что потерял целый час.

* * *

— Вот, пожалуйста, угощайтесь. — Ларчикова протянула Крымову коробку, полную шоколадных конфет. — Это меня ученики балуют...

На Татьяне Николаевне был темно-синий бархат-

ный халат, то и дело распахивающийся на пышной высокой груди, плавно переходящей в белую лебяжью шейку, увитую тщательно уложенными тонкими локонами, сладковато пахнущими лаком. Маленькая головка Ларчиковой была словно сделана из фарфора — такая же хрупкая на вид, с матовым белорозовым личиком, искусно расписанным тонкой кистью художника (выразительные темные глаза, четко очерченные темно-розовые губки «вишенкой», кукольно-аккуратный носик), и высоко забранными в небрежно-изящную прическу волосами цвета августовской соломы. «Такую женщину хочется съесть, — подумал Крымов, — а потом закусить соленым огурцом — до чего приторна, аппетитна и вместе с тем как будто ядовита...»

— ... Я говорю им, что конфеты нынче дороги, что мне незачем делать такие подарки, но 8 Марта — это святое, отвечают мои ученики... У меня секретер набит коробками с печеньем и пачками поздравительных открыток. Приятно, знаете ли... Я понимаю, что вы пришли ко мне не чай пить, но все равно, мы же интеллигентные люди, должны немного привыкнуть друг к другу, чтобы потом спокойно поговорить обо всем.

Крымов подумал, что если такие дуры, как Ларчикова, учат детей, то обществу действительно грозит полное разложение. И незамедлительное. Тем более что на коробке шоколадных конфет, которыми она его угощала, стоял штамп недельной давности — ей не могли подарить на 8 Марта шоколад, произведенный в апреле. Значит, он был куплен либо ею самой, либо ее любовником, поскольку она не замужем (он понял это, когда мыл руки в ванной комнате, в которой напрочь отсутствовали следы ПОСТОЯННОГО мужского пребывания). Что касается его предположения насчет любовника, то у такой знойной полногрудой самочки, какой была Ларчикова, просто не может не быть любовника. Она и Крымова уже записала в свой арсенал как потенциального сексуального дружка, это тоже бросалось в глаза. Во всяком случае, Крымов был уверен, что протяни он

только руку, и этот спелый, с червоточинкой плод с готовностью упадет ему в ладонь... Об этом свидетельствовали ее многозначительные томные взгляды и вздохи, выставленная напоказ грудь и откровенное, ничем не прикрытое кокетство.

— Вадик Льдов... Боже мой, как представлю его в гробу, становится не по себе... Ну за что? И, главное, кто мог решиться на такое зверское убийство? Вам уже известны результаты экспертизы?

— К сожалению, нет.

— И как он вообще оказался в такую рань в классе? Некоторые говорят, что он пришел в школу еще вечером, другие утверждают, что утром. Вот бы узнать, когда же наступила смерть и от чего? Чем его убили?

И вдруг плечи ее затряслись, тело проняла крупная нервная дрожь, а потом Ларчикова так громко, в голос, надсадно, со стоном и, как ни странно, искренне разрыдалась, что Крымов даже удивился. Вот уж чего он не ожидал, так это рыдания по поводу смерти ученика.

Успокоившись, Татьяна Николаевна извинилась, пробормотав при этом: «Не выдержала... Крепилась-крепилась, а тут не смогла...» — после чего шумно высморкалась, сходила в ванную умыться и, вернувшись, отпила немного чая.

— Вы хотите поговорить со мной про снимки? — спросила она обреченным тоном. — Спрашивайте, но я ни в чем не виновата...

Поскольку Крымов был не в курсе, Ларчикова рассказала ему о том, как Вадим Льдов с Виктором Кравцовым решили над ней подшутить. Поздно вечером, когда она оставалась в классе одна, разделась в мужском туалете, находящемся буквально через стенку, и решила сфотографировать свою классную руководительницу рядом с голым Льдовым.

— Представляете, он подошел ко мне сзади и обнял меня... А получилось так, будто мы оба раздетые, потому что он оголил мое плечо... — И Ларчикова принялась рассказывать в подробностях обо всем, что

произошло в тот злополучный вечер, как делала это совсем недавно, обращаясь к своим ученицам.

Она оправдывалась, и было видно, что эта история с фотографиями доставила ей немало неприятностей, поскольку директор школы ясно дала понять, что ждет ее заявления об уходе.

— А мне можно взглянуть на эти снимки? Ведь вы же не маленькая и прекрасно понимаете, что после того, что произошло, вы — одна из подозреваемых... — Он нарочно сказал это, чтобы чуточку припугнуть Ларчикову и посмотреть, как отреагирует она на эти слова.

— Снимки? Пожалуйста... — Она покраснела и с готовностью достала из секретера, в котором действительно виднелась стопа конфетных коробок и красивые бутылки, голубой конверт со снимками.

Сделанные непрофессионально, явно случайные кадры действительно могли бы послужить компроматом против Ларчиковой, если бы не выражение ее лица на них: испуганное и злое одновременно. Но какова идея?! И, главное, зачем подобное понадобилось этим пацанам?

— Может, они хотели отомстить вам за что-то? Не могут же ученики ни с того ни с сего подшутить так жестоко? Разве они не понимали, что может последовать за этими снимками? Татьяна Николаевна, если вы хотите, чтобы я отыскал настоящего убийцу Льдова, мне необходимо выяснить, не было ли неприязненных отношений у вас с ним, и только после этого я смогу уже более спокойно вести расследование...

Крымов валял дурака, говоря ей это, поскольку у него не было ни малейших причин подозревать Ларчикову в убийстве ученика: перед тем как поехать к ней, он дождался результатов звонка Шукиной в морг, Чайкину, который производил вскрытие трупа Льдова, и узнал, что смерть парня наступила приблизительно в семнадцать часов пятого апреля, то есть в понедельник вечером, когда в школе было полно народу. В это время Ларчикова, как удалось ему выяснить из телефонного разговора с директрисой школы,

находилась с остальными учителями в актовом зале, где проводилась репетиция концерта, посвященного выпускному вечеру. Ларчикова принимала в ней самое активное участие и никуда не отлучалась. Что же касается самоубийства Голубевой, то девочка выпила гремучую смесь — огромное количество феноталбита — около полуночи, тоже пятого апреля, что в принципе исключало возможность убийства: ведь в квартире находились родители девочки и никаких посторонних следов в ее спальне не обнаружили. Да и на стакане были лишь отпечатки пальчиков Наташи.

Другое дело, что Ларчикова могла нанять какого-нибудь подонка, чтобы тот за бутылку водки совершил это кровавое дело — примеров найма подобного рода киллеров-алкоголиков было в городе уже вполне достаточно. Оставалось только доказать причастность классной руководительницы к убийству своего ученика, а вот это как раз было бы делом не из легких. Но это лишь одна из многочисленных версий. Еще одна, причем самая приемлемая относительно этой школы, — наркотики. Среди старшеклассников наркомания была распространена настолько сильно, что во время рейдов милиции чаще всего попадались ученики именно этой, семьдесят шестой школы. И что бы ни говорила Вероника Льдова о том, что ее сын не нуждался в деньгах и что у него якобы все было, деньги никогда не бывают лишними, да и что такое для нее большие деньги — тоже вопрос, поскольку все, как известно, относительно. Она могла просто не знать об истинных запросах своего сына. Вадим мог вляпаться в историю с наркотиками, продать пусть даже и небольшую партию, а затем обмануть поставщика с оплатой. Обычная история. А то и вовсе придумать байку о том, что пакет с ценным порошочком у него украли или что-нибудь в этом роде. За это, как правило, и убивают. Но как доказать это? Остается одно — следить за Кравцовым.

— За что мне мстить ему? — плаксивым голосом простонала Ларчикова. — У меня с Вадиком были хорошие отношения, можете спросить у кого угодно. Да и с Витей тоже. Я же их знаю с пятого класса. Просто

это переходный возраст, больше никакого объяснения я не нахожу.

— Может, мальчики были пьяными, когда ввалились в класс и начали вас снимать?

— Вполне возможно, потому что я от девочек слышала, что наши мальчики время от времени пьют на переменах пиво, а то и вино, а потом прямо-таки засыпают на уроках. Сами видите, в какое время мы живем...

— Я вижу, что вы от меня что-то скрываете... Но это — ваше право. Только если я пришел сегодня к вам с единственной целью — вычеркнуть вас из списка подозреваемых и тем самым сузить их круг, то теперь понимаю, что надеялся на это зря. И что все слухи, которыми полнится школа, не случайны.

— Да что вы такое говорите?! Вы подозреваете меня в убийстве Вадика? Но я не убивала его! За что? — На выпуклом, гладком, порозовевшем лбу Ларчиковой выступили капли пота: она занервничала и теперь суетливо озиралась по сторонам, словно в поисках поддержки. Но в комнате, да и в квартире, судя по всему, у нее вообще не было защитника, и Крымов даже подумал, что и это тоже неспроста. Что за стройной и соблазнительной Ларчиковой скрывается некая тайна, которой наверняка владел Вадик Льдов. Эта мысль пришла неожиданно и заслонила собой все остальное. А что, если Льдов шантажировал Ларчикову? Крымов поймал себя на том, что, будь классная руководительница 9-го «Б» не столь привлекательной, он бы ни за что не додумался до такого. Но Ларчикова... Да, безусловно, было в этой молодой женщине нечто такое, что заставляло думать о ней только как об объекте соблазнения со всеми вытекающими отсюда последствиями. Она была не замужем, вела, судя по всему, соответствующий ее положению свободный образ жизни, в котором имели место случайные связи. Они и могли послужить предметом сплетен и шантажа со стороны ее драгоценных учеников. Такая женщина — знающая себе цену и умеющая пользоваться своей сексуальностью — не могла бы довольствоваться скромным жалованьем

школьной учительницы. И любой мужчина, без исключения, согласился бы на связь с ней — настолько она была хороша. И что дурного в том, что ее кто-то содержал, содержит или даже СОДЕРЖАТ?

Все эти мысли пришли Крымову одновременно с предположением несколько другого характера. Что такое школа? Если говорить о тех, кто учит, это в основном женский коллектив. А как там относятся к красивым женщинам, да еще отличающимся легкомысленным поведением? Их не очень-то любят и всячески стараются выжить, чтобы не видеть каждый день перед собой кого-то, кто превосходит вас. А тут еще эти снимки... Что, если сама директриса дала задание Льдову и Кравцову спровоцировать Ларчикову?

Крымов замотал головой: он явно перефантазировал.

— Татьяна Николаевна, может быть, ваш муж как-то связан делами с отцом Вадика Льдова?

— Муж? Но я не замужем... — пожалала плечами Ларчикова. — Разве вы, человек, каждый день сталкивающийся с людьми и работающий на интуиции, еще не поняли, что я живу одна? Да это видно невооруженным глазом! Какой же вы психолог, когда...

— Но вы могли быть разведены... — не дал ей договорить Крымов. — Разве нет?

— Тоже верно...

Крымов посмотрел на часы: Надя уже давно ждет его в агентстве, чтобы поехать домой. Что же такое с ним происходит, отчего ему не хочется уходить из этой комнаты, от этой женщины, с которой он мог бы...

Он, слегка привстав, схватил ее грубо и властно, словно она уже давно принадлежала ему, за руку и, притянув к себе, усадил на колени. Она не сопротивлялась, однако ее лицо оставалось серьезным. «Примерно так же, наверное, вели себя и другие мужчины, — подумал он, — которые бывали здесь и которых она угощала чаем или коньяком. Она примагничивала к себе и без того наэлектризованную мужскую плоть, заставляя мужиков чувствовать себя животными, целиком и полностью зависящими от инстинктов. Ларчикова. Да кто ее вообще пустил в школу? Разве таких

женщин можно подпускать к подросткам? Ее кожа — нежная, прохладная и шелковистая — соткана из порока, а голова набита фотографиями обнаженных мужчин. Нимфоманка, вот кто она, эта Ларчикова. А он, Крымов, последняя сволочь, только и умеющая, что раздевать женщин, обнимать их податливые и жаждущие уверенного хозяйского прикосновения тела и находить в них временные и уютные пристанища своей мужской сущности...»

Внутри Ларчикова оказалась так же хороша, как снаружи, вот только слишком горяча...

— У тебя нет температуры? — спросил он, чувствуя, как вливается в нее и не может остановиться, чтобы вернуться в оболочку того Крымова, которого они придумали вместе с Надей Шукиной.

Шукина... Как же она ошиблась в нем, как просчиталась... Бедная Надя.

* * *

— Вас как зовут-то?

— Сергей.

— Понятно, а то я все Зверев да Зверев...

Они стояли на крыльце и смотрели, как из подъезда выносят носилки сначала с телом девушки в черном, а затем и раненой, еще не пришедшей в сознание Ларисы Белотеловой. Следом в облаке дыма показался Корнилов — он яростно курил и кого-то искал глазами. Наконец, увидев Земцову, махнул рукой и направился к ней.

— Везде успеваешь, Земцова... Ты-то здесь как оказалась?

— Так мы и вызвали милицию и «Скорую»... У меня дело было к ней, я пришла, предварительно, кстати, позвонив, но, как видите, немного опоздала... Не представляю, куда мог деться убийца, ведь мы были уже у подъезда, когда раздался этот ужасный крик...

— Так вы, стало быть, и есть единственные свидетели?

— Стало быть... Мне можно туда пройти?

— Можно, но только если ты мне расскажешь,